

Дарья Донцова

Созвездие ЖАДНЫХ ПСОВ

Евдокия Романова
Следствие ведет амлетик

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Созвездие жадных псов

«ЭКСМО»

2001

Донцова Д. А.

Созвездие жадных псов / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2001 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

Волей рока я, Евлампия Романова, опять втянута в расследование загадочного убийства соседа по даче академика Славина. Убили его в кабинете Академии высшего образования. Он был там один. Причем вначале его застрелили, а потом, уже мертвого, ударили ножом. Говорят, Славина любили все. Даже его многочисленные жены и чада жили с ним в одном доме. Его дочь Ребекка просит меня найти убийцу отца – ей кажется, что это кто-то из близких. Ведь только они знали о тайном ходе в его кабинет. Я согласилась помочь, не подозревая, во что ввязалась... И тут вдруг погибает под колесами электрички последняя жена Славина – красавица Анжелика...

© Донцова Д. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дарья ДОНЦОВА

СОЗВЕЗДИЕ ЖАДНЫХ ПСОВ

Глава 1

Ласковое летнее солнышко заглянуло в окно. Я чихнула и сладко потянулась в кровати. Как хорошо, что сегодня нет дождя, и как хорошо, что мы наконец перебрались на дачу. Можно не торопиться вставать, Кирюшка и Лиза закончили учебный год, и в школу им не надо. Во дворе, радостно лая, носились наши собаки. Вот уж кому отлично в Подмоскovie, так это детям и животным, раздолье, гуляй – не хочу. Но отчего-то ребята сидели в доме, на первом этаже. Я слышала громкий голос Лизы:

- Кирилка – дурилка!
- Сама такая, – огрызнулся мальчик.
- Кирилл – дебил!

Послышался грохот, очевидно, мальчишка кинулся на обидчицу, но девочка ловко выскочила в окно и заорала уже со двора:

- Кирюшка – хрюшка, Кирюшка – говнюшка!

Кирилл высунулся в окно и решил достойно ответить:

- Лиза... Лиза... Лизавета...

- Ну, чего? – подпрыгивала вредная девчонка. – Обломалось? Что – Лиза? Ну, давай!

- Да, – заныл Кирюшка, – к твоему имени ничего и не придумаешь, сложно очень!

– Вот и хорошо, – заявила девица, – зато с твоим такие рифмы получаются! Кирюшка – соплюшка, Кирка – дырка, Кириотто – идиотто...

- Ну погоди, – пригрозил окончательно выведенный из себя мальчик, – получишь!

– Догони сначала, – хмыкнула Лизавета и, вскочив на велосипед, вылетела за ворота, распевая во все горло:

– Вот кто-то с горочки спустился, наверно, Кирочка идет, на нем слюнявчик и штанишки, ах, он с ума сейчас сойдет!

Кирилл выбежал во двор и горестно вздохнул. Обидчица была намного проворней. К тому же ее велосипед благополучно переночевал у крыльца, а Кирюшка загнал своего железного коня в гараж, и теперь ему предстояло открывать замок, раскрывать ворота – целое дело.

Я высунулась из окна и увидела его растерянную физиономию.

- Не расстраивайся так, дружок, еще поймаешь!

Кирюшка поднял вверх голову и сердито ответил:

– Все ты виновата, разрешаешь Лизке безобразничать, говоришь, девочкам уступать надо... И чего вышло из хорошего воспитания-то? Одна глупость. Вот наподдать ей пару раз по щеям, живо заткнется!

- Мужчина не имеет права бить женщину!

– Глупости, – фыркнул Кирюша, – сейчас все равны. А она имеет право дразниться? Что-то в твоих рассуждениях не так. И вообще, тебя воспитывали слишком давно, тогда даже компьютера не было, а ведь дети теперь другие. Вот найду Лизавету и ухи оборву.

- Ты ее сначала поймай, – хихикнула я и пошла завтракать.

Кирюшка находится в том славном периоде, который ученые-психологи называют красивым словом «пубертат». А если попроще – это время редкостной подростковой вредности, когда еще не оперившийся птенец хочет получить взрослые права, обладая привилегиями ребенка. Правда, на Кирюшку грех жаловаться – он не курит, не пьет, не употребляет наркотики и не нюхает клей. Просто порой с ним невозможно договориться, и он нагло требует

объяснения всем моим запретам. Нельзя до четырех утра смотреть видик. Почему? Каникулы ведь, завтра посплю до обеда. Не надо начинать день с шоколадки, лучше съесть овсянку. Это еще что за дурь! Живот заболит? Так он мой, я его хозяин, поболит и успокоится. Не следует ходить под проливным дождем без куртки! Вот уж глупость так глупость! Подобные идиотства приходят в голову только ненормальным тридцатилетним старикам.

Впрочем, у Лизаветы тоже свой набор «приятных» возрастных особенностей. По пять раз на дню она переходит от слез к хохоту и может три часа провести у зеркала, меряя наряды. Наконец, когда гардероб исчерпан, последняя тряпка с воплем зашвыривается под стол, а Лиза громко стонет:

– Ужас, я жирная, мерзкая корова, волосы торчат в разные стороны, а глазки как у поросенка. Фу, просто повеситься хочется.

К слову сказать, она вполне симпатичная девочка и лет через пять обязательно превратится в лебедя. Но пока это гадкий утенок, у которого, Впрочем, полностью отсутствуют терпение и смирение.

Несмотря на то что Лиза и Кирилл живут в одной семье, они не близнецы, не двойняшки и даже не родственники. Мы просто живем все вместе, а я им не мать, вернее, не я их родила.

Кирюша – сын моей ближайшей подруги Катюши. Катюша работает хирургом, у нее есть еще один сын – двадцатипятилетний Сережа. Сережа женат, и он, и его супруга Юлечка живут вместе с Катериной в Америке, где подруга работает по контракту в госпитале. Кирюшка остался со мной.

Я не буду утомлять вас долгими подробностями того, почему мы с Катей живем вместе. Своей семьи у меня нет, я в разводе, а детей не получилось, так что Кирюша и Лизавета – мои единственные чада.

Лиза оказалась у нас случайно. Ее отец, известный писатель Кондрат Разумов, трагически погиб, а мать отказалась от девочки еще в младенчестве. Я же работала у Разумова экономкой, и как-то так вышло, что Лизавета осталась со мной. Преодолев всевозможные трудности, я сумела оформить опеку над девочкой, и наше щедрое государство платит мне целых сто восемьдесят рублей в месяц. Считается, что на эти деньги я прокормлю, одену и выучу сироту. Но мы не горюем. Во-первых, Катюша и Сережа зарабатывают в Майами столько, что нам всем хватит с лихвой. Во-вторых, я, не желающая сидеть ни на чьей, даже очень дружеской шее, работаю. Надо признаться, что со службой у меня постоянно происходят казусы. К сожалению, я обладаю редкой, но абсолютно ненужной в наше время профессией арфистки. Но господь не дал мне таланта, и карьера музыканта не удалась. А больше я ничего делать не умею, кроме одного – читать детективы. Наверное, у меня как-то по-особому сконструированы мозги, потому что преступника я вычисляю сразу, на первых сорока страницах.

Однако весной этого года мне повезло. Встретила случайно в метро сокурсника по консерватории Диму Ковалева. Он тоже не сделал музыкальной карьеры. Димка – скрипач из третьесортных, не Владимир Спиваков. Обрадовавшись нечаянной встрече, мы сели на скамеечку, и Дима с горечью поведал:

– Ну ты не поверишь, чем я занимаюсь. Вместе с Ванькой Лыковым и Ленкой Медведевой играем на свадьбах и всевозможных тусовках. Помнишь, Ваньку и Ленку?

Я кивнула. Мы обменялись телефонами и расстались, но через неделю Димка позвонил и взмолился:

– Помоги, Романова! Ленка замуж вышла и уехала из Москвы в Германию, будь другом, а?

– Чего надо-то?

– Ну поиграй с нами недельку, пока кого отыщем, заказов набрали на месяц вперед, выручи, сделай милость.

– Да зачем вам арфа?!

– И впрямь ни к чему, – вздохнул Ковалев, – на синтезаторе сможешь?

– Ну, если порепетировать...

– Давай, давай, – ответил Димка, – пятьсот баксов запросто настукаешь, нас хорошо знают, клиентов море.

Я согласилась и теперь таскаюсь с парнями. «Джаз-банд» наш состоит из гитары, саксофона и «Ямахи». Честно говоря, звуки, льющиеся с эстрады, ужасающи. Медведь, мартышка и кто-то там еще, решившие составить квартет, явно играли лучше нас. Но наши клиенты мало что смыслят в музыке. На свадьбе, как правило, требуется вначале громко сыграть марш Мендельсона, который в переложении на наши инструменты звучит весьма оригинально, а потом все быстро бегут за стол, напиваются и начинают плясать под любую музыку. Главное, знать три народных хита – «Мурка», «Калина красная» и «Зайка моя». Остальное никого не волнует. Народ частенько просит:

– Быстренькое давай, чтоб попрыгать.

Или наоборот:

– А медленно можете?

Мы «можем», клиенты довольны и передают Димин телефон по эстафете. Мне даже нравится эта работа. Кругом веселые лица, и нас всегда хорошо угощают. Одна беда, Ванька и Димка большие любители выпить, и приглядывать за ними надо вовсю. Один раз мне пришлось в одиночку солировать, слушая мощный храп других оркестрантов, свалившихся прямо на пол. Правда, гости на свадьбе, бывшие в том же состоянии, так и не поняли что к чему.

Дача, на которой мы сейчас живем, принадлежала еще моим родителям. Место чудесное – Алябьево, всего в двадцати минутах езды от Москвы. К нам домой от дачи доехать быстрее, чем из какого-нибудь Теплого Стана или Северного Бутова.

Дом отличный, комнат много, горячая вода, газ, ванна, туалет и даже телефон. Мой отец был крупным ученым, работал на военно-промышленный комплекс – занимался ракетостроением. Как доктор наук и академик, он имел право на государственную дачу, и моя мама, певица, долго отговаривала папу от строительства собственной фазенды, но отец, тихий, какой-то незаметный в семейной жизни человек, на этот раз перекричал маменьку, певицу, обладавшую на удивление громким голосом.

– Не говори глупости, – вспыхнул он, – девочка растет, вот умру я, и вас с казенных метров наутро турнут, а так ребенку дом останется.

Мама фыркнула:

– Мы проживем до ста лет и скончаемся в один день.

Но, к сожалению, прав оказался папа, он ушел из жизни рано, впрочем, многие его коллеги тоже. Их вдовы иногда приезжали в Алябьево, пили чай на круглой веранде и вздыхали:

– Все-таки, Андрей – умница, вперед смотрел, нас-то давно погнали, негде и отдохнуть.

У Алябьева масса достоинств. Чудесный воздух, речка, городские условия... К тому же отец мой, хоть и ученый, имел в шкафу генеральскую форму, а Никита Сергеевич любил военных и своих любимцев не обижал. Поэтому участки у нас гигантского размера, честно говоря, мы и сами не знаем, что в конце, просто ни разу не доходили до забора. Ближайшие соседи – генералы Рябов и Соколов – живут вроде рядом, но нам не видно даже света от их особняков.

Всем хорошо Алябьево, но есть у него один недостаток. Электричка доезжает только до Переделкина, дальше можно на маршрутном такси или автобусе добраться в писательский городок, а уж от него приходится топать пешком через лес и поле. Ей-богу, из Москвы добраться быстрее, чем бежать от станции к даче. Писателям повезло, их дома тянутся недалеко от дороги, и любая попутная машина с радостью подвозит их за копейки. В сторону дач военных автомобили редко ездят. Впрочем, у Кати и Сережи есть свои машины, но я не умею водить, хотя сегодня у меня знаменательный день. Ровно в пять часов вечера я должна впервые сесть с инструктором за руль. Надо же в конце концов научиться.

Зевая, я сползла вниз и принялась пить кофе. Кирюшка мрачно смотрел телевизор.

– Иди погуляй.

– Не хочу, – огрызнулся он.

Тут примчалась Лизавета, вместе с ней Костя Рябов, и мучение Кирюшки возобновилось. Как только они его не обзывали. Я даже вынуждена была заступиться за бедного мальчика:

– Прекратите издеваться над Кирочкой.

– Ой, – взвизгнула Лизавета, – приколы, Кирочка! Вот класс, в голову не пришло! Иди сюда, Кирочка, завяжем бантик.

– И юбочку нацепим, – залился хохотом Костя.

Внезапно Кирюшка побагровел, подскочил на стуле и треснул кулаком по столу. Из чашек выплеснулся чай и растекся по клеенке.

– Хватит, надоели! И впрямь имя-то у меня дурацкое. Пришла же маме в голову идея. Одного ребенка нормально назвала – Сережа, а другого по-кретински обозвала!

– Очень даже красиво, – попыталась я исправить ситуацию, – Кирилл и Мефодий азбуку придумали...

– Мефодий, – заржал Костя, – сейчас умру.

– Знаешь, Лампа, – пробормотал Кирюша, – иногда лучше жевать, чем говорить.

– Но живу же я со своим именем и ни на кого не обижаюсь, – не сдавалась я.

Дело в том, что меня зовут Евлампия. Вернее, родители дали мне имя Ефросинья, и в детстве я натерпелась еще больше Кирюшки. В классе сидело штук пять Лен и столько же Наташ. Кстати, во всей школе не было девочек с именем Фрося. Да что там школа, не нашлось ни одной тетки даже в консерватории, а у нас там было предостаточно чудаков. Имя не нравилось мне до зубовного скрежета.

На первом курсе нас отправили в колхоз и расселили по избам. Каждое утро, около шести, наша хозяйка выходила во двор и орала, как оглашенная:

– Фрося, Фрося, Фрося...

В первый раз я, услышав вопль, мигом вылетела из комнаты:

– Что случилось?

– Ничего, – ответила баба.

– Но вы же звали: Фрося, Фрося...

– Ну и что? Козу кликаю, выгонять надо, пастух идет...

Мучения мои продолжались и тогда, когда началась концертная деятельность. Стоило конференсье завести:

– А сейчас на сцену приглашается молодая, но очень талантливая артистка с чудесным русским именем Ефросинья. Фрося...

Зрители, отлично помнившие одну из самых смешных советских комедий, как правило, начинали выкрикивать:

– Бурлакова! Фрося Бурлакова!

И начинался хохот, попробуйте сыграть после этого серьезное произведение! Да все ждали, что я сейчас пушусь вприсядку вокруг арфы.

В конце концов я обозлилась, решила начать жизнь сначала, убежала от нелюбимого мужа и заявила Кате, Сереже, Юле и Кирюше, что меня зовут... Евлампия. Уж не знаю, почему на ум взбрело это имечко. Теперь домашние зовут меня Лампа, Лампочка, Лампец, Лампидудель... Но отчего-то глумление совершенно меня не трогает, может, я просто повзрослела? Или, вернее, состарилась. Так что Кирюшу я понимаю очень хорошо.

– Кирочка-дырочка, – пропела Лиза.

Кирилл побагровел, встал и категоричным тоном заявил:

– Все! Меняю имя!

– Как? – удивилась я.

– Так, – ответил мальчишка, – вот паспорт получу и назовусь...

– Ну, – хором спросили мучители, – как? Как?

Кирюшка выпалил:

– Ричард! И имейте в виду, теперь я буду откликаться только на это имя. Ричард, и точка.

– Львиное Сердце, – пробормотала я.

– Именно, – обрадовался Кирилл, – Ричард Львиное Сердце!

В этот момент зазвонил телефон. Я схватила трубку.

– Аллю!

– Ой, Лампочка, – забубнила наша близкая приятельница Алина, – как здорово, что застала тебя, будь другом, помоги.

– Что надо делать?

– Машку, балбеску, перевели в музыкальной школе в третий класс только с условием, что она за лето ответит на тест, причем правильно. Но ей, сама понимаешь, этого никогда не сделать. Там такие вопросы! Дайте определение гармонии! Ну за каким чертом современным детям знать о гармошке!

– Гармония – это не гармонь, – попыталась я объяснить Алине.

– Один шут, будь человеком, помоги. Давай сегодня в пять встретимся у метро «Динамо», где выход к рынку.

– Не могу, у меня занятия, лучше завтра.

– Так мы сегодня в Турцию улетаем! – заорала Алина. – Я думала, по дороге в Шереметьево отдам, ну тебе же удобно на «Динамо»!

– Ты забыла, что звонишь на дачу?

– Отмени занятия.

– Не хочу, – разозлилась я, – абсолютно не желаю.

– Вот ты какая, – заныла Алина, – Машку из-за тебя выпрут!

Я хотела было достойно ответить на этот выпад. Ленивой Маше следовало исправно посещать занятия и внимательно слушать педагогов. Музыка, как, впрочем, математика и русский, требует усидчивости, аккуратности и умения концентрироваться. Но с языка неожиданно сорвалось другое:

– Ладно, сейчас придумаем выход. Вот что, за тестом приедет Кирюшка. Ты его помнишь?

– Последний раз пять лет тому назад видела. Во что он будет одет?

– Голубые джинсы, футболка со словом «Адидас», кроссовки, а на голове кепочка-бейсболка. Он не очень высокого роста, примерно с меня, волосы светлые, глаза голубые.

– Ага! – обрадованно воскликнула Алина. – А я буду в такой индийской коричневой юбочке, ну знаешь, повсюду продают, и в бежевой кофточке!

– Ладно, я ему скажу: стройная шатенка, в...

– Я уже неделю блондинка, – перебила Алина.

– Хорошо.

– Знаешь, – верещала подруга, – я возьму в руки белый конверт с тестом. Только пусть Кирилл не опаздывает.

Я шмякнула трубку на аппарат и крикнула в окно:

– Кирюша!

Мальчик, возившийся у велосипеда, даже не поднял головы.

– Кирка!

Без ответа.

– Ты оглох, Кирилл?

Ноль внимания.

О, черт, совсем забыла:

– Ричард!

Он спокойно ответил:

– Слушаю.

– Иди сюда быстро.

Кирюшка медленно вытер руки и пошел в дом, сохраняя полное спокойствие.

Глава 2

Инструктором оказался парень лет двадцати пяти, длинный и худой. Когда я втиснулась в «Жигули» и уцепилась за руль, он со вздохом поинтересовался:

– Теоретический курс прослушали?

– Да.

– И что помните? Ну, под капотом что?

– Мотор.

– Хорошо, а если поподробней?

– Аккумулятор, радиатор и вентилятор.

Инструктор секунду смотрел на меня, потом хмыкнул:

– Ладно. Значит, вот там внизу три педали – газ, тормоз и сцепление. Сейчас потихонечку...

Я внимательно слушала парня.

– Давай, – велел он, – начинай.

Я старательно выполнила предложенные действия: выжала до упора сцепление, включила скорость, поднажала на газ... Машина прыгнула вперед и моментально заглохла.

– Аккуратней, – велел учитель, – рывком не отпускай педаль. Начинай по новой.

Раз пятнадцать я пыталась тронуться с места, потом вдруг «жигуленок» покатиł вперед, но не прямо, а вихляя из стороны в сторону.

– Она меня не слушает, – прошептала я, – вправо уезжает!

– Не бойсь! – одобрил инструктор. – Рулем особо не крути и не сиди, как статуя, откинься на сиденье, расслабься, получай удовольствие.

Ну не идиот ли? Как можно получать удовольствие от вырывающейся из рук машины?

На дачу я вернулась потная и злая, с дрожащими коленями. Да мне никогда не научиться! Катюша, Сережка и Юлечка так ловко отъезжают и быстро катят по шоссе.

Кирюшка пил чай на веранде.

– Кирилл, принес? Давай!

Мальчик спокойно начал накладывать в чашку варенье.

– Ричард, отдай конверт!

Кирюшка взял с подоконника белый пакет и протянул мне:

– На.

Я пощупала пакет. Да, послание довольно пухлое, небось в мерзком тесте тысяча вопросов! Хорошо, если я все ответы знаю! А то ведь придется ехать на городскую квартиру за музыкальной энциклопедией!

Со двора послышался дикий грохот и многоголосый лай. Я высунулась в окно и всей грудью вдохнула аромат бурно цветущего возле террасы жасмина.

Лиза ехала на велосипеде по дорожке, ведущей от гаража к воротам. К багажнику «Аиста» была привязана длинная веревка, на конце которой болталась довольно толстая морковка. Наша собачья свора с оглушительным лаем неслась за велосипедом.

В нашем доме живут сразу четыре собаки. Две мопсихи, Муля и Ада, стаффордширская терьерница Рейчел и двортерьер по кличке Рамик. В свое время мы с Лизой нашли его в сугробе, в пакете из супермаркета «Рамстор», отсюда и имя. Псы живут дружно, не обижают трех кошек: Клауса, Семирамиду и Пингву. Последняя в раннем детстве из-за необычного черно-белого окраса была наречена Пингвином. Но по прошествии времени мы разобрались, что это дама, то есть Пингвинка. Имя менять не стали, зовем ее теперь просто Пингва. Дополняет зоопарк жаба Гертруда, меланхолично поглядывающая на всех из просторного аквариума.

В городской квартире животные ведут себя прилично, но на даче, на свежем воздухе, да еще когда перед носом мелькает сочная морковка...

Я села в кресло и разорвала конверт. Ну, посмотрим, что там.

На колени выпали фотографии и... деньги. Недоумевая, я пересчитала купюры – ровно две тысячи долларов. На снимках был запечатлен холеный мужчина, настоящий барин. Гладкое, чисто выбритое лицо с полными щеками и оттопыренной нижней губой. Из-за того, что уголки рта слегка загибались вниз, казалось, что мужик чем-то недоволен. Большие карие глаза смотрели строго, нос был почти совершенной формы. Беда произошла лишь с волосами. Честно говоря, их совсем не было. Вот только непонятно – он лысый или бреет голову? Хотя, чтобы добиться столь гладкой поверхности, ее нужно часто и щедро мазать депилятором. Небось богатый человек, голова у него явно больше шестьдесят восьмого размера, уйдет целых два тюбика по 150 рублей штука.

Фотографий было три. На одной мужик стоял возле машины, роскошно блесневшей лаковыми боками иномарки черного цвета. На другой он явно был запечатлен в ресторане. Во всяком случае, в объектив, кроме его улыбающегося, самодовольного лица, попал и стол со всевозможными яствами, а где-то на заднем плане маячил официант с салфеткой. Третий кадр был сделан у дома, явно загородного. Вокруг зеленые деревья, а сам хозяин облачен на этот раз в простые шорты и майку. Правая рука цепко держала теннисную ракетку. Скорей всего мужик взял ее просто для антуража. С таким животом за мячиком не побегаешь.

Я растерянно осмотрела добычу. А где же текст?

– Эй, Кирюшка, то есть Ричард, ну-ка расскажи, как ты поговорил с Алиной! – крикнула я в окно.

Мальчик с шумом влетел на веранду, схватил грушу и, откусив большой, исходящий соком кусок, ответил:

– А мы и не разговаривали совсем.

– То есть как? – не поняла я. – Давай в подробностях.

Кирюшка тяжело вздохнул и рассказал следующее.

Приехал он на «Динамо» без десяти пять, но тетенька в коричневой юбке и желтой блузке уже ходила с конвертом в руках между колонн. Не успел Кирюша приблизиться, как женщина быстрым шагом подлетела к нему и нервно спросила: «Ричард?» – «Да», – ответил Кирюшка. «Держи», – сказала тетка и сунула ему пакет. И все.

– Как – все?

– Так, – пожал плечами мальчик, – потом она ушла в метро.

– В метро?!!

– А чего странного? Я за ней побрел, только она в сторону центра села.

– Ты узнал Алину?

Кирилл покачал головой:

– Не-а. Я ее последний раз жутко давно видел. Помню только, худая такая, вроде темная. Но ты же сказала, что она блондинка?

– Она перекрасилась.

– А-а, понятно, – протянул Кирка, – такая и стояла, светлая, в коричневой юбке, как у тебя, в желтой кофте и с конвертом. И потом, она же меня первая окликнула: «Ричард!»

Я мрачно смотрела в окно, если не ошибаюсь, сейчас зазвонит телефон. И точно, словно подслушав мои мысли, аппарат затренькал. Визгливым голосом Алина противно затараторила:

– Нет, как не стыдно! Он так и не пришел! Прождали его полчаса, чуть на самолет не опоздали! Как ты могла?!

– А ты где стояла?

– Как – где? – возмутилась Комарова. – У выхода к рынку! Там крутились какие-то мальчишки в джинсах, я от отчаяния всех спрашивала, как их зовут, но ни одного Кирилла не было. Что теперь делать прикажешь? Машка из-за тебя на второй год останется.

– Насколько я помню, в Шереметьеве есть почта.

– Ну!

– Отправь текст бандеролью, пиши адрес.

– От тебя офигеть можно! – вскинулась Алина. – Диктуй скорей!

После разговора я опять высунулась в окно и поинтересовалась:

– Эй, Львиное Сердце, ну-ка припомни, у какого выхода ты встречал Алину?

– У того, где ты сказала! – крикнул Кирюша. – Вышел из последнего вагона!

– Но к рынку надо ехать в первом!

– При чем тут рынок? – изумился Кирка. – Ты сказала, встретишь Алину у колонн, только не иди к рынку.

Я закрыла окно и в растерянности села на диван. Так, все понятно. Кирюшка, как всегда, напутал, а незнакомая женщина ошиблась. Интересно, сколько подростков было там сегодня в голубых джинсах, футболках с надписью «Адидас» и бейсболках? И у скольких москвичей в гардеробе болтается коричневая юбка из марлевки, сделанная в Индии? У меня и у Кати есть такие, да на улице каждая пятая женщина носит нынешним жарким летом этот замечательно дешевый прикид. А поскольку юбочка имеет цвет молочного шоколада, то к ней изумительно подходит вся гамма солнечных тонов: от светлого беж до насыщенного оранжевого. А Кирюшка не слишком разбирается в оттенках, ему, честно говоря, все равно – колер топленого молока или окрас перезрелого лимона. И ту, и другую вещь он, не мудрствуя лукаво, назовет желтой.

Таким образом, можно считать, я разобралась, почему произошел этот инцидент. Но дама окликнула мальчика по имени, сказала: «Ричард!»

Вот уж странно, так странно! Ладно бы дело происходило в Лондоне, а не в Москве! У вас есть хоть один знакомый Ричард? У меня нет. Ну не ходят Ричарды стаями по московским улицам, хотя, наверное, кто-то из наших сограждан все же носит это славное королевское имя.

Я опять высунулась в окно и заорала:

– Эй, парень!

Кирюша хмыкнул:

– Ты мне, Лампа?

– Тебе. Почему ты отозвался на имя Ричард, неужели не удивился?

– Нет, – преспокойно заявил мальчишка, – я подумал, что ты сообщила этой Алине, как меня теперь зовут!

Вновь зазвонил телефон. Ну вот, опять небось Комарова. Почта не работает, или бумажку с адресом потеряла! Но это оказался Дима Ковалев.

– Слышь, Романова, завтра никуда не едем.

– Почему?

– Свадьба отменяется, жених с невестой переругались, и все, прошла любовь, завяли помидоры.

Жаль, конечно, терять заработок, но отдохнуть тоже не помешает, тем более что погода, кажется, установилась. Завтра вытащу шезлонг в сад и устроюсь там со всевозможным комфортом.

Прошла неделя абсолютного безделья. Лето – мертвый сезон. Никаких презентаций, праздников и тусовок не устраивается. Народ массово отъезжает на дачи и на побережья теплых морей. Свадьбы, конечно, играют, но в эту семидневку молодожены пригласили другие ансамбли. Мы находились в творческом простое.

Часто говоря, я была рада. В моем понимании отличный отдых – это удобное кресло, штук двадцать новых детективов, коробочка шоколадных конфет и чашечка чая, желательно цейлонского, крупнолистового. Я даже не поленилась съездить в Москву и купить там последние новинки. Словом, с понедельника до субботы я бездумно проваливалась в шезлонге, в тенечке под раскидистой елью. Съела больше килограмма грильяжа и прочитала Маринину, Полякову, Серову и Корнилову. Разленилась до такой степени, что не готовила детям обед, не стирала и ни разу не вспомнила о пылесосе. Впрочем, и Лизавета, и Кирюшка, ошалев от немилосердной жары, не требовали горячей еды днем, а вечером мы прекрасно обходились салатом. К слову сказать, ребята помирились, и Кирка забыл про Ричарда.

В субботу около шести вечера, когда раскаленное солнце переместилось за крышу нашего дома, Лиза вытащила шланг и начала поливать огород. Только не подумайте, что у нас рядами растет ароматная клубника и шпалерами стоят ягодные кустарники. Ничего подобного, талант огородника отсутствует у меня напрочь, поэтому возле гаража вскопаны две хилые грядки, где редкими кустиками кучкуются укроп, петрушка и кинза. Больше нет ничего. Сначала Лиза старательно лила воду на чахлые растения, потом направила струю на Кирюшку. Мальчик мигом приволок из гаража второй шланг, и началась водная баталия.

Мокрые собаки носились по грядкам, круша укроп. Я оторвалась от Марининой, увидела, что «урожай» погиб, и снова уткнулась в книгу. Подумаешь, у магазина день-деньской сидят местные жители и торгуют зеленью, редисом и семечками. Было лень не то что шевелиться, даже разговаривать.

Уничтожив посеvy и измазав собак, дети сочли процедуру полива законченной, побросали шланги и унеслись в дом. Я слышала, как они ругаются около трехлитровой банки молока, доставленной молочницей Надей. Каждому хотелось отхлебнуть верхний слой жирных, нежных сливок.

– Эй, Лампа, к телефону! – заорал Кирюшка.

Надо же, а я даже не услышала звонка.

– Давай, Романова, заводи «Ямаху», – прохрипел Ванька Лыков, – завтра в одиннадцать у Митинского кладбища.

– Где?

– В Митине, на погосте.

– Зачем?

– Что значит зачем? Нас на похороны позвали!

– Да ну?! И что мы там делать будем?

– На лыжах кататься, ты от жары совсем очумела? Играть.

– Что? «Мурку»?

– Нет, конечно. «Реквием» Моцарта можешь?

– Могу, естественно, но как-то странно.

– Ничего особенного, просто до сих пор такие заказы не попадались. Значитца, так. В одиннадцать лабухаем у могилки, потом на поминках. Обещали тысячу баксов заплатить.

На следующий день я изнывала от зноя у ворот Митинского кладбища. Наконец из-за поворота вынырнул темно-зеленый «Мерседес» Димки Ковалева. Автомобиль у него замечательный, выпущен в начале 80-х и едет, дребезжа всеми внутренностями. Честно говоря, я побаиваюсь с ним кататься. У дедушки «шестисотого» «мерса» постоянно что-то отваливается, а Димка еще гонит как ненормальный по шоссе. Правда, Ванькина тачка, темно-красная «девятка», еще хуже. Двери у нее не открываются, «дворники» не работают, а правое крыло проржавело почти насквозь. Но я стараюсь сесть в лыковскую «девятку», он едет по крайней мере тихо и старательно соблюдает правила движения.

– Эй, Романова! – заорал Ванька. – Возьми Марфуту!

«Марфутой» Лыков зовет саксофон. Я схватила черный футляр и поинтересовалась:

– А розетка, интересно, на кладбище есть?

– Ага, – заржал Димка, – обожаю тебя, Романова, за светлый ум. Из каждой могилы торчит такая пластмассовая беленькая штучка с дырочками, сунешь штепсель и давай, бацай.

– Ну надо же, – удивилась я, – зачем на могилках розетки?

– Чтобы жмурики могли плеер включать, – спокойно пояснил Ванька.

– Прекрати! – рявкнул Димка. – А ты, Романова, не идиотничай, нет на погосте электричества.

– А играть как?

– Да у них место сразу за административным корпусом, из конторы шнур протянем.

Через полчаса мы подключились, настроились и стали поджидать клиента. Наконец появилась большая толпа.

– О, – буркнул Димка, – они! Давай, ребята, с соответствующим моменту настроением и выражением на лице.

Мы принялись измываться над Моцартом. Хорошо, что он никогда не узнает о трех дураках, исполняющих «Реквием» при помощи гитары, сакса и синтезатора.

Гроб, отчего-то закрытый, установили возле зияющей ямы. Родственники всхлипывали, среди них было довольно много женщин, закутанных с ног до головы в черное, и детей, непонимающе таращившихся на диковинную процедуру.

Ясное солнце освещало мрачное действо. Звучали дежурные слова: «трагически ушел», «полный сил», «удивительный человек». В перерыве между выступлениями мы делали «музыкальную паузу». У тех, кто пришел проститься с покойным, то и дело трескали мобильники и пищали пейджеры. Наконец роскошный гроб из красного дерева плавно, при помощи специальной машинки опустили в могилу. Мы гремели как ненормальные. Над присутствующими носилась с громким карканьем огромная стая ворон. Очевидно, главные птицы Москвы не любили Моцарта, а может, им не нравилась наша более чем оригинальная обработка.

Потом двое на диво трезвых могильщиков ловко и споро сформировали холм, обложили его шикарными венками и букетами, воткнули в изголовье большой портрет и табличку.

Я сначала прочитала надпись, сделанную золотом: «Славин Вячеслав Сергеевич, 1940–2000 гг.», потом перевела взгляд на фотографию и чуть не упала на «Ямаху». На меня смотрело полное, чуть одутловатое лицо с внимательными карими глазами и капризно оттопыренной нижней губой. Уголки рта слегка загибались вниз. Точь-в-точь такой же снимок, только намного меньших размеров, лежал сейчас у меня в спальне на даче.

Глава 3

– Эй, Романова, – прошептал Ванька, незаметно для окружающих пиная меня ногой, – заснула в самый ответственный момент, шевели клешнями живей!

Я машинально задвигала пальцами, «Ямаха» взвыла. Неожиданно одна из женщин упала на холм и завизжала на высокой ноте, перекрывая саксофон:

– Славик, Славик, за что?! Господи, за что?!

Двое мужчин молча попытались поднять ее, но тетка продолжала:

– Славик, Славик, не пойду, не пойду...

От толпы отделилась девушка, стройная, высокая, просто фотомодел ь. Она быстрым шагом пошла к истеричке и резко сказала:

– Нора, прекрати немедленно концерт!

Женщина взвизгнула последний раз, потом спокойно поднялась, деловито поправила ленту на самом шикарном венке и прошептала:

– А почему мои цветы лежат в неподобающем месте, а Тамарин рваный букет в изголовье?

– Заткните ее, – велела девушка. – Андрей, Николай, чего стоите? Хотите скандала? Сейчас получите.

Из толпы вышли двое. Один, светловолосый, высокий, на вид лет тридцати, в безукоризненном черном костюме и ослепительно белой рубашке, слегка хриплым голосом произнес:

– Мама, пошли.

Второй, тоже блондин, но пониже, коренастый, с большим носом и брезгливо сжатыми губами, молча двинулся в сторону истерички. Когда он прошел мимо «Ямахи», на меня пахнуло своеобразным букетом из запахов дорогой парфюмерии, элитного коньяка и качественных сигарет. Так пахло когда-то от моего мужа Михаила, и я с тех пор невольно отшатываюсь от лиц мужского пола, благоухающих подобным образом.

Крепыш взял бабу за руку:

– Давай, Нора, хватит.

– Нет, скажи мне, Николя, – прорыла Нора, явно не собираясь уступать, – ответь, отчего мой венок лежит вот тут, где-то сбоку, а Тамарин растрепанный веник у самого лица!

От кучи мрачно стоящих людей отделилась еще одна фигура, на этот раз женская, невысокая, в круглой шляпке с вуалью.

– Мама, – укоризненно произнес высокий блондин, – где же ты тут лицо нашла?

– Как же, Андре, – воскликнула Нора, – он лежит сюда ногами, а туда головой!

Дама в круглой шляпке спокойно подошла к холмику, выдернула из-под портрета небольшой букетик гвоздик, перевязанный черно-красной лентой, потом схватила огромный венок из темно-бордовых роз, с усилием перетащила его к фотографии и тихо сказала:

– Бога ради, Нора, никто ничего не делал специально, так тебе нравится?

– Так нормально, – кивнула головой Нора, – а главное, справедливо. Вы все знаете, что именно меня он любил больше всех! А ты, Тома...

– Хватит, – рявкнула длинноногая красавица, – людей постыдись! Андрей, тащи ее в машину!

Потом она повернулась к нам:

– Ну а вы чего расселись? Давайте живо складывайте дуделки – и в дом, надо помянуть Вячеслава, а не лаяться у свежей могилы, ну и дурацкая же идея пришла Норе в голову – нанимать ансамбль на поминки.

Народ потянулся к воротам. Я начала собирать «Ямаху». Надо же, какая активная девушка. «Дуделки!» Можно подумать, она сама заработала на свое сверхэлегантное черное платье, а главное, на огромные бриллиантовые серьги, которые зачем-то нацепила на похороны.

И потом, при всей шикарности она просто глупа и нелогична. Ругаться неприлично не только у свежей, но и у «старой» могилы. На кладбище надо сохранять хоть...

– Эй, Лампа, – раздался за спиной шепот.

Я обернулась и заорала от неожиданности:

– Ты!!!

– Тише, – шепнул Володя Костин, – не на базаре стоишь, спокойно, нечего визжать.

– Как ты сюда попал? Знал покойного?

– Служба привела, – вздохнул приятель.

Володя Костин работает в системе МВД и дослужился до звания майора. Мы знакомы давно, он наш хороший, верный друг. Более того, наши квартиры находятся на одной лестничной клетке. У Костина однокомнатная, из которой он сделал «двушку», просто уничтожив кухню. Да и зачем ему, холостому и бездетному, «пищеблок»? Ничего, кроме электрочайника и не надо, все равно ест он у нас. Так что Володина кухня больше похожа на гостиную, где по недоразумению стоят холодильник и мойка. Вместо плиты у него панель с двумя конфорками, кстати, очень удобная вещь для тех, кто не собирается печь пироги. А представить себе майора, выпекающего пироги, я не могу.

– Что за работа такая, на похороны ходить?!

Володя глянул на меня:

– Потом объясню.

– Ты и на поминки поедешь?

– Да.

– Эй, Романова! – заорал Ванька. – Ну ты просто тормоз! Давай, давай, нам надо вперед всех приехать!

– Ладно, вечером поболтаем, – сказала я и побежала к «девятке».

Димка унесся на «Мерседесе», словно пуля, выпущенная из пистолета. Мы поехали достаточно тихо. Я расслабилась и бездумно смотрела в окно. Мелькали дома, магазины, потом вдруг показалось широкое шоссе, появился и исчез транспарант «Магазин «Три кита».

– Слушай, а куда мы едем? – изумилась я.

– Поминки будут у покойного на даче, – спокойно пояснил Ванька, – в Алябьеве.

– Ну ничего себе! И где же, адрес какой?

– Соловьиная аллея.

Так это противоположный от нас конец поселка, и я там почти никого не знаю.

Мы свернули влево и покатили по узкой дороге, впереди показались первые дачи писательского поселка.

– Слышь, Романова, – пробурчал Ванька, – сегодня отыграем, и все.

– Как это все? – не поняла я.

– Ну, перерыв устроим. Надоело, набухали на лето, отдохнуть охота. Какой смысл в Москве париться, заказов мало идет. Впрочем, если хочешь, можешь одна с «Ямахой» кататься, за оркестр сойдешь.

– Не, Ваняшка, – покачала я головой, – не хочу, жарко очень, и потом без вас я не смогу, лучше подожду до осени, посижу на даче, почитаю детективы, телик посмотрю, кайф!

– И мы с Танькой на дачу, – вздохнул Лыков, – хоть я и не люблю кверху жопой на огороде стоять. У тебя что растет?

– Крапива, – ухмыльнулась я, – на щи. Была зелень, да дети с собаками повьтоптали, а я и не расстраиваюсь. Нет, и не надо, лучше куплю, у меня при виде грядки и семян сразу мигрень начинается.

– Счастливый у тебя характер, – вздохнул Ванька, – моя Таняха просто ненормальная. Кабачки, тыквы, помидоры, огурцы, клубника. Мрак! Одной воды для полива три бочки надо, а водопровода нет, таскаю в баклажках из речки. Ей-богу, никаких заготовок не захочется!

Мы пропрыгали на ухабах, свернули на бетонку и въехали в широко распахнутые железные ворота.

Дом был высотой с наш, но в ширину намного превосходил его, два крыла и средняя часть, просто усадьба. Небось тут чертова туча комнат.

Безукоризненно вежливая горничная провела нас на задний двор. Там, под цветным шатром, был сервирован стол, а чуть поодаль сооружена эстрада. Не успели мы устроиться на помостках, как стали появляться люди.

Часам к пяти вечера присутствующие окончательно забыли, зачем собрались. Кое-кто, довольно сильно набравшись, отправился в дом на мягкие диваны. Небольшая группка фальшиво выводила песню, а один из участников, потный мужик в очень измятой и очень дорогой шелковой рубашке, подошел к помосту, вытащил сто долларов, слегка покачиваясь, влез на эстраду, сунул зеленую бумажку мне в вырез сарафана и прогудел:

– Эй, ребята, «Мурку» можете?

– Можем, – ответила я, выуживая купюру, – запросто.

Димка с Ванькой переглянулись, и дальше вечер потек по знакомому руслу: «Мурка», «Зайка моя», «Калина красная»... Потом «быстренькое» и «тихонькое».

В районе одиннадцати девушка, похожая на фотомоделю, дала Димке конверт и сказала:

– Теперь поешьте – и свободны.

На столах высились горы еды. Я окинула взглядом это изобилие.

– Пирожки возьми, – тихо шепнул один из официантов, мужик лет сорока, в красном костюме с золотыми пуговицами, – а рыбу не трогай, говно, а не рыба.

Я улыбнулась:

– Спасибо. А пирожки какие замечательные, мои дети все бы съели.

– Погодь, – велел гарсон, – ща все сделаем!

Он исчез, я принялась за пирожки. И впрямь, тают во рту. Ванька с Димкой сразу ухватились за бутылки. Но я не стала с ними ругаться. Вечер закончен, расчет произведен, моя доля в сумочке, и с ними в машинах мне сегодня не ехать, дойду до своей дачи пешком. Пусть оттянутся перед отпуском. Жены у них суровые и ни капли мужикам на отдыхе не нальют. Погода стоит теплая, ежели напьются до свинячьего визга, переночуют в автомобилях, не декабрь на дворе.

От души поев, я осмотрелась по сторонам. Володи Костина нигде не было видно, небось узнал, что хотел, и уехал. Я пошла к воротам.

– Эй, Ямаха, погоди! – раздалось сзади.

Официант протягивал мне несколько туго набитых пакетов и коробку. Я заглянула в один пластиковый мешок: много кулчков и горлышко бутылки.

– Что это?

– Бери, бери, не сомневайся, с блюд положил, не с тарелок, – заботливо сказал официант.

– Спасибо, но...

– Да ладно тебе, – отмахнулся мужик, – детям снесешь, пирожки, салаты, а бутылевич мужику.

– Я не замужем.

– Правда? Значит, с подругами выпьешь. Да не стесняйся, гляди, сколько всего осталось, забирай. Эти денег не считают.

Я хотела было отказаться и сказать, что совершенно не нуждаюсь, но лицо официанта лучилось такой радостью и благодушием, что я невольно пробормотала:

– Ну спасибо тебе, теперь неделю в магазин не пойду.

– Видишь, как здорово, – ответил он и быстрым шагом двинулся в сторону дома.

Я вышла из ворот и побежала по узенькой тропинке вверх. Идти было недалеко, минут пять, не больше.

В нашей даче приветливо горел свет. На веранде у стола удобно расположились Кирюша, Лиза и Володя.

– Чего принесла? – оживились дети.

– Обьедки с барского стола, – ответила я и поинтересовалась: – Вовчик, останешься на ночь?

– Естественно, – ответил майор и сунул Муле в пасть кусок сыра. Мопсика щелкнула челюстями, сыр исчез. Тут же подлетела Ада и завертела жирным задом, за ней, почуяв, что раздают сыр, ломанулись Рейчел и Рамик. Володя продолжал угощать собак.

– Ни фиги себе, обьедки! – завопила Лиза. – Пирожки, пирожные, сырокопченая колбаса, салаты...

Они начали пробовать принесенное.

– Эх, жаль, нет осетрины, – вздохнул Кирюша.

– Рыба была отвратительная, – фыркнул Костин, – просто дрянь.

После ужина мы перебрались с террасы в большую комнату, и дети включили видик. Володя и Кирюшка расположились в креслах, Лиза легла на диван, я пристроилась у нее в ногах, и к нам моментально залезли Муля и Ада, тут же затеяв возню.

– Что за фильм? – зевая, поинтересовалась я.

– Боевик, Костя Рябов принес, – откликнулся Кирюша.

На экране мелькали лица, слышалась стрельба. Я закрыла глаза. Тут Лизавета поинтересовалась:

– А зачем этой тетке дали конверт с фотографиями и деньги?

Я уставилась на экран. Худенькая блондинка, звезда американского кинематографа, только что разорвала бумагу и вертела в руках снимки, на столе валялись купюры.

– Эта тетка – сообщница наемного убийцы, – пояснил Володя, – сам киллер на встречу с заказчиком, естественно, не пошел, послал ее. Деньги – это аванс.

– А снимки? – спросил Кирюша.

– Ну, ребята, вы даете, – ухмыльнулся майор, – как же исполнителю жертву узнать? Правда, иногда ему ее показывают, но чаще всего и у них, и у нас система одна, деньги и фото в конверте забирает посредник.

Я почувствовала, как в висках быстро-быстро застучали молоточки. А Володя как ни в чем не бывало продолжал:

– Тут сегодня ребята анекдот рассказали, про киллера. Значит, так. Стоят два убийцы в подъезде. Один другому говорит: «Слушай, наш-то объект всегда в семь с работы возвращается, а сегодня, смотри, уже девять, а его нет. Я так волнуюсь, не случилось ли чего?»

– А вот еще, – подпрыгнул Кирюшка. – Нанимает один человек киллера и говорит: «Поедете по адресу: Новослободская улица, дом 129, квартира 3». – «Простите, – перебивает убийца, – а сколько я получу?» – «200 тысяч долларов». – «За такие деньги номер квартиры можете не сообщать».

Володя вздохнул:

– Слишком похоже на правду, чтобы быть смешным.

Я осторожно поинтересовалась:

– А со Славиным что случилось? Ему ведь только шестьдесят стукнуло...

Как правило, Володя не любит распространяться о делах, лежащих у него в сейфе, но сегодняшняя жара, очевидно, повлияла и на его мозги. К тому же он изрядно устал, а потом отлично поужинал и принял сто пятьдесят граммов коньяку.

– Пошли покурим, – сказал приятель.

Мы вышли во двор и сели на скамейку под одуряюще благоуханным кустом жасмина.

– Славина убили, – пояснил Володя. – Ты хоть знаешь, кто он был такой?

Я покачала головой.

– Нет, но, судя по дому и гробу, не самый бедный человек.

Володя с наслаждением затыкнулся, выдохнул дым и, глядя, как тоненькая голубенькая струйка запутывается в листе жасмина, сообщил:

– Славин Вячеслав Сергеевич совершенно уникальный человек, во всяком случае, я других таких не встречал. Он – ректор и единоличный хозяин им же созданной Академии высшего образования. Как только разрешили частные вузы, академик Славин основал свой. Шесть факультетов – экономики, юриспруденции, иностранных языков, психологии, социологии и рекламы. Сотни студентов, лучшие преподаватели, великолепные общежития. Он, пользуясь тем, что запросто вхож к Лужкову, выбил для своего учебного заведения отличное место, в Матвеевском, тут рядом, построил гигантское здание и студенческий городок по аналогии с западными кампусами. При том что деньги он брал немалые, желавшие учиться становились в очередь... Вот так, просто титан.

– Ну и что тут уникального? – удивилась я. – Удачливый бизнесмен, и только.

– Он был доктор наук, профессор и академик.

– Подумаешь, вон Святослав Федоров тоже гениальный ученый был, но при этом имел и явный талант хозяйственника.

– Понимаешь, – проникновенно сказал Володя, – мы опросили безумное количество людей: преподавателей, знакомых, просто друзей Славина. Все в один голос твердили – Вячеслав был необыкновенно добрый, отзывчивый человек. Ни у кого не нашлось ни одного плохого слова в его адрес.

Одним он помог написать и защитить диссертацию, других устроил на работу, третьим оказал материальную помощь, четвертым выбил квартиру, пятым... Словом, добрые дела его можно перечислять бесконечно.

За всю жизнь он ни с кем не поругался и не имел врагов. Узнав о смерти Славина, люди совершенно искренне плакали.

Ты же видела, – продолжал Володя, – что творилось на кладбище и на поминках. Сотни четыре пришло, не меньше, и никаких злобных разговоров, только скорбь.

– Случается, наверное, такое, – пробормотала я, – правда, редко.

– Еще учти, – спокойно бубнил майор, – что у Славина было четыре жены и две любовницы.

– Подумаешь, у некоторых и больше бывает.

Володя засмеялся:

– Не, ты не поняла! Они жили все вместе.

– Как? Все четверо?

– Ну почти. Во всяком случае, жены Славина дружили между собой, огромная семья, там черт ногу сломит в родственниках. И все в шоке, рыдают навзрыд.

– А как он погиб?

Костин аккуратно загасил окуроч, засунул его в пустую банку из-под лосося и сказал:

– Убили его очень странно.

– Что же странного?

– Да все, – пробормотал Володя. – Он погиб в кабинете. Некто из пистолета выстрелил ему прямо в сердце. Причем секретарша уверяет, что никто в кабинет не входил. Она сидела в приемной. Славин позвонил и сказал:

«Леночка, не пускай пока никого, хочу отдохнуть».

Он был в кабинете один. Секретарша отфутболила несколько человек, рвавшихся к ректору. Никаких подозрительных звуков она не слышала. Дело происходило в четыре часа дня. В восемнадцать Лена забеспокоилась. До сих пор еще ни разу Вячеслав Сергеевич не устраивал себе столь длительного отдыха. В приемную без конца рвались посетители, и в конце концов секретарша решила побеспокоить шефа.

Сначала она пробовала связаться с ним через «интерком». Но Славин не откликнулся. Леночка ощутила легкий укол недоумения, но особо не забеспокоилась. Вячеслав Сергеевич никогда не жаловался на самочувствие, он отличался просто железным здоровьем и невероятной работоспособностью.

Лена осторожно заглянула в кабинет. Шеф лежал на большом диване, прикрывшись пледом. Все сразу стало на свои места.

Профессор иногда ложился отдохнуть. Обычно полчаса дневного сна ему хватало, чтобы потом вновь трудиться до полуночи. Просто сегодня он по какой-то причине отключился на больший срок.

Лена вышла в приемную и сказала всем жаждавшим дорваться до Славина:

«Через час, не раньше, он очень занят, уехал в администрацию президента».

Шикарный «шестисотый» «мерс», принадлежавший академику, преспокойненько сверкал намытыми боками на стоянке, и кое-кто из ждавших недоверчиво хмыкнул. Но Леночке было все равно, что о ней подумают. Хорошая секретарша обязана прикрывать босса. В начале восьмого Лена подошла к дивану и сказала: «Вячеслав Сергеевич, проснитесь».

Ответа не последовало. Вот тут уже она удивилась и взяла профессора за плечо...

На ее вопль сбежались люди не только с первого, но и со второго этажа. Лена голосила на одной ноте: «Убили, убили, убили...»

Началась суматоха, приехала милиция.

– И знаешь, что самое странное? – спросил Володя.

– Ну?

– Во-первых, ему выстрелили прямо в сердце, а во-вторых, ткнули острым и длинным ножом в шею.

– Да, как-то это чересчур.

– Не в этом суть, порой убийца входит в раж и наносит жертве десятки смертельных увечий. Странно другое.

– Что?

– Сначала был выстрел. И здесь, похоже, работал профессионал. У пистолета имелся глушитель, и пуля попала прямо в цель. Стреляли почти в упор, когда Славин спал.

Причем киллер точно знал, что целиться надо на два пальца ниже левой лопатки, словом, скорей всего это заказ. Потом нанес удар в затылок, но не сразу, а примерно через час после выстрела. Ну кем надо быть, чтобы действовать таким образом?

Действительно, странно. Выстрелить, подождать час и схватиться за ножик. Зачем?

– Умер он когда?

– Да сразу, как выстрелили, и киллер это знал. И еще кое-что. Пистолет с глушителем, правильная точка, выбранная для того, чтобы гарантированно убить, причем сразу, – все говорит о том, что работал профессионал. Оружие валялось в комнате. Револьвер новый, отпечатков нет, словом, глухо, как в танке.

Но ножа не нашли. А Леночка сказала, что никаких режущих и колющих предметов в кабинете не было. Только ножницы и абсолютно тупой серебряный кинжальчик. Большого бреда я в жизни не встречал.

– Да уж. А на похороны ты зачем приехал?

– На людей посмотреть, – вздохнул Володя, – на родственников безутешных и друзей. Сдается мне, кто-то из них в курсе дела, но кто? Славина любили все без исключения.

Я хмыкнула. Интересно получается, все обожали, но ведь некто устроил академику досрочный билет на небеса? Значит, среди толпы обожателей нашелся человечек, таивший злобу. И потом, ну скажите, разве можно прожить на свете шестьдесят лет, создать успешный бизнес и не иметь врагов? Да он что, был святым, как Фома Аквинский? Хотя неизвестно, сколько бы недругов нажил Фома, займись он созданием собственного университета.

Глава 4

На следующее утро я окинула взглядом гору книжек в бумажных обложках и с горечью констатировала: детективы все закончились. Надо отправиться в город и купить новые, желательно побольше.

Солнце палило так, будто мы живем не под Москвой, а в каком-нибудь Тунисе. Стрелки часов еще не подоברались к десяти, а дышать уже было нечем, и это несмотря на то что вокруг лес. Представляю, что творится в городе! Может, никуда не ехать?! Ага, и целый день в тоске пялиться на экран телевизора. Ну уж нет.

Я стала собираться. Дома никого не было. Кирюшка и Лизавета отправились купаться. Собак они взяли с собой. У ребят на велосипедах имеются впереди корзиночки. Толстые, коротколапые, задастенькие Муля и Ада терпеть не могут длительных пеших прогулок, поэтому их сажают в проволочные ящички. Рейчел и Рамик – большие любители побегать – просто несутся за велосипедами, лая от восторга. Правда, купаться любят все, а еще больше им нравится, когда Кирюшка покупает брикет сливочного мороженого и угощает членов стаи.

Вот и хорошо, пока они плещутся в воде, я вполне успею смотаться туда-назад. Эх, жаль, не уговорила вчера с Володей, он подвез бы меня до города. Правда, тогда бы пришлось встать ни свет ни заря...

Пока в голове крутились эти мысли, я искала сумочку. Но ни на веранде, ни в спальне, ни в гостиной, ни в детских комнатах, вообще нигде ее не было.

Я страшно расстроилась. Неужели потеряла вчера по дороге, когда бежала с пакетами через лес? Ужасно обидно. Во-первых, там лежит мой заработок, во-вторых, косметика, правда, не слишком дорогая, и еще записная книжка. А вот это уже настоящая трагедия. Если деньги, хотя их и жаль, можно заработать, то книжечка с адресами и телефонами практически невозможна. Но надо же быть такой дурой!

Ругая себя на все корки, я продолжала тыкаться по углам, но сумочка просто испарилась. Может, повесить на магазине объявление? Вдруг вернут книжку?

Внезапно зазвонил телефон. Я сняла трубку и услышала незнакомый голос:

– Алло, позовите Романову.

– Слушаю.

– Вы Е. А. Романова?

– Да, а в чем дело? – удивилась я.

– Вчера вы играли на поминках Славина Вячеслава Сергеевича?

Я вздохнула. Так, значит, Димка, решив ехать отдыхать, дал мой номер новому клиенту.

– Играла, только, извините, у нас отпуск, временно не берем работу.

– Вас беспокоит Ребекка Славина.

– Кто?

Голос продолжал:

– Вы оставили у нас сумочку с деньгами.

– Ой, а телефонная книжка?

– Здесь.

– Сейчас прибегу.

– Куда? – удивилась Ребекка.

– К вам.

– Но мы живем в Алябьеве, под Москвой.

– Я помню, только у меня дача тоже в Алябьеве, на Фруктовой улице.

– Да? – удивилась Ребекка. – Тогда жду.

Я быстренько нацепила сарафан и полетела через лес. Было очень душно, словно собиралась гроза, но на небе не было видно ни облачка.

Ворота дома Славина щетинились домофоном.

– Кто там? – донеслось из динамика.

подавив желание ответить: «Почтальон Печкин», я сказала:

– Можно Ребекку? Это Е. А. Романова.

Раздался тихий щелчок. Я вошла во двор и невольно вздохнула. Территория выглядела безукоризненно, ничто не напоминало о том, что вчера вечером ее посетило безумное количество людей. Трава радовала глаз зеленью, и нигде не валялись бумажки или пробки от бутылок. Очевидно, садовник трудился с раннего утра.

Ребекка крикнула, высунувшись в окно:

– Идите на террасу!

Я послушно поднялась по ступенькам и оказалась в большом прямоугольном помещении со стеклянными стенами. Легкие светло-розовые занавески без движения свисали по углам. В середине стояли огромный стол, накрытый кружевной скатертью, и штук двенадцать стульев с высокими спинками.

На столе теснились вазочки, блюда и чашки. Тут же находился и прехорошенький электрочайник. Ребекку я узнала сразу. Высокая, похожая на фотомодель девушка, которая расплачивалась с нами вчера. На поминках она казалась сердитой и неприступной. Сегодня мило улыбалась и приговаривала:

– Однако вы растяпа, забыли сумку с деньгами.

– Устала очень, – улыбнулась я в ответ, – а откуда вы узнали мой телефон?

– Ну, дорогая, – засмеялась Ребекка, – это же элементарно, Ватсон.

Она вытащила из сумочки записную книжку и помахала ею в воздухе:

– Что тут написано на обложке... «При находке просьба вернуть по адресу или позвонить по телефонам Е.А.Романовой». Я набрала первый номер – никого, ну а по второму вы ответили. Честно говоря, я посмотрела, что начальные цифры 593, и решила, что вы живете где-то рядом, в Солнцева или Новоперелкине. Но то, что у вас дача в Алябьеве, я и предположить не могла.

Я улыбнулась, конечно, дама, стучащая клавишами на «Ямахе» и подрабатывающая наемной музыканткой, должна иметь дощатый сарай в ста километрах от столицы, а не двухэтажный дом в престижном поселке. Однако надо преподать урок этой снобке:

– Мой отец, академик Романов, построил здесь дом очень давно, я из старого поселка.

– Надо же, – всплеснула руками Ребекка и, очевидно решив, что дочь академика вполне подходящая для нее компания, радушно предложила: – Хотите кофейку с пирожными?

– Если выпечка такая, как вчера, то с огромным удовольствием.

Ребекка засмеялась.

– Наша Антонина удивительно печет. Вот, попробуйте эти с курагой.

Она взяла чайничек и налила в чашки кипяток.

– Как вас зовут?

– Евлампия.

– Ну надо же, в первый раз такое имя слышу, а как ласкательно?

– Лампа.

– Ой, здорово! – рассмеялась Ребекка. – А из меня только Бекки выходит, это мама придумала, большая шутница, а я всю жизнь мечтала иметь имя Маша или Таня.

Я вздохнула:

– Очень хорошо вас понимаю.

Ребекка опять расхохоталась:

– Да уж. Вы в отпуск на дачу приехали?

– На все лето, с детьми.

– Вы не работаете?

– Играю на синтезаторе, только сейчас заказов практически нет, и мы с партнерами решили отдохнуть.

– Вы очень даже хорошо управляетесь с инструментом, – отпустила комплимент собеседница, – наверное, заканчивали музыкальную школу?

– Да, – спокойно ответила я, – центральную, а потом училась в Московской государственной консерватории по классу арфы, я арфистка и довольно много концертировала.

– Ну надо же! – всплеснула руками Ребекка. – Отчего же...

Она внезапно замолчала. Я усмехнулась и взяла еще один восхитительный пирожок, на этот раз с яблоком.

– Отчего же дама, закончившая консерваторию, стучит по клавишам на поминках?

Славина смутилась:

– Ну...

– Все очень просто. Карьера моя не слишком удалась, я вышла замуж, развелась, надо как-то зарабатывать. Кстати, это еще не самый тяжелый способ зарабатывать деньги. Честно говоря, я перепробовала довольно много профессий. Служила экономкой у писателя Кондрата Разумова, потом в детективном агентстве.

– Где?

– В детективном агентстве.

– Кем? – поставила на стол чашки Ребекка. – Кем?

– Частным сыщиком, – засмеялась я.

– А почему ушли?

– Хозяин, мой добрый приятель, умер, а следующий начальник уволил всех, кого нанимал предшественник. Вообще, так многие поступают, даже есть поговорка: «Новая метла по-новому метет». А потом ребята предложили посидеть за «Ямахой».

– И нравится?

Я усмехнулась:

– Не слишком, радуюсь, что моя мама, которая пела на лучших сценах России, не видит, чем занимается дочка. Честно говоря, больше всего мне по душе была работа детектива, очевидно, у меня талант. Но хозяева агентств, занимающихся частным сыском, настороженно относятся к женщинам. К тому же там требуется умение стрелять, водить машину, драться... А я никакими из перечисленных талантов не обладаю. Только-только начинаю осваивать автомобиль. Мое оружие – исключительной остроты ум и наблюдательность, «серые клеточки», как говаривал Эркюль Пуаро. Вы читали Агату Кристи?

– Значит, сейчас вы в отпуске на все лето? – проигнорировав мой вопрос, задала свой Ребекка. – Я правильно поняла?

– Да.

– У меня есть для вас дело. Хотите отлично заработать?

Я непонимающе уставилась на девушку. Ее бледное лицо порозовело, а из безукоризненно уложенной стрижки выскочила тоненькая прядка. Ребекка засунула ее за ухо и нервно переспросила:

– Так как? Десять тысяч долларов.

– И что нужно делать за такие деньги?

– Найти убийцу папы, академика Славина.

– Ну что вы, мне такое задание не по плечу, и потом, насколько я знаю, его делом занимается милиция.

– Милиция, – фыркнула Ребекка, – о боже! Вы хоть изредка смотрите телевизор? Ну и нашли доблестные менты, лучшие умы МВД, убийц Влада Листьева или Холодова? Уж я не говорю о десятках банкиров... А Галина Старовойтова? А Александр Мень? Нет уж, никакого доверия к правоохранительным органам у меня нет. Тут надо самим постараться.

– Обратитесь в агентство.

Ребекка вытащила из пачки длинную коричневую сигарету, раскурила, потом спохватилась и предложила:

– Хотите?

– Давайте, такую я ни разу не пробовала.

Серый дым поднялся вверх, Ребекка вздохнула:

– Одна моя подруга заподозрила мужа в неверности, наняла детектива, заплатила, между прочим, весьма внушительную сумму. Тот представил отчет, из которого выходило, что объект слежки просто голубь сизокрылый, только о работе и думает. И представьте себе, через пару месяцев выясняется правда. Оказывается, сыщик, вместо того чтобы честно отрабатывать гонорар, прямиком отправился к лживому муженьку и содрал с того денежки за молчание и подтасованный отчет.

– Негодяи встречаются в любом коллективе. Сейчас в Москве открылось агентство «Пинкертон», вернее, его российское отделение. У них безупречная репутация и почти столетний опыт работы.

– Нет, – покачала головой Ребекка, – не хочу. Соглашайтесь. Смотрите, как здорово выходит. Живете рядом, скажу, что вы моя старая знакомая, дочь академика Романова, никто из наших ничего и не заподозрит. Работы у вас все равно пока нет. И потом...

– Что? – спросила я. – Что?

Ребекка повертела в руках ложечку.

– Мой папа за всю свою жизнь не обидел ни одного человека. Если начать перечислять его добрые дела, то нам не хватит и недели. У него имелись сотни друзей, причем не только в России. Вот смотрите.

Ребекка встала, подошла к большому серванту и показала на огромный поднос, заваленный телеграммами.

– Это пришло только сегодня с утра. Почтальонша сумками таскает. А вот это папина записная книжка.

Я посмотрела на огромный том, больше всего похожий на русско-английский словарь, рекомендуемый для студентов институтов иностранных языков. Да, впечатляет.

– Отцу никто не желал зла, а сотрудники университета на него просто молились, студенты обожали, и мне кажется...

Она замолчала, словно собиралась с духом, потом решительно выпалила:

– И мне кажется, что убийцу следует искать в кругу нашей семьи, среди особо близких людей.

– Но почему?! Я слышала, будто Славин поддерживал великолепные отношения со всеми бывшими женами, содержал детей...

Ребекка вздохнула:

– Так, конечно, верно.

Девушка глянула на часы и пробормотала:

– У нас немного времени, к обеду явятся Нора и Николай... Слушайте, расскажу, что успею.

Глава 5

Вся жизнь Вячеслава Сергеевича – это цепь браков и разводов. Человек он был эмоциональный, влюбчивый, загорающийся, словно сухое полено. Но то, что быстро вспыхивает и бодро горит, как правило, так же быстро гаснет. Проливной дождь, стеной стоящий перед окном, меня не пугает, с подобной силой ливень будет шуметь всего минут пять, десять, а мелкий, противный, серенький, морозящий дождичек зарядит на весь день. Так и с человеческими чувствами. Безумная любовь с африканскими страстями и бразильским проявлением ревности будет длиться от силы год, затем она неизбежно трансформируется – либо в дружбу, либо в равнодушие, либо в ненависть. Ни один муж после пяти лет брака не полезет к своей жене через балкон, держа в зубах букет роз. И потом, мужчины так созданы: штамп в паспорте, который приносит женщинам спокойствие, утихомиривает и сильный пол. Покорять уже один раз покоренную женщину никто из супругов не собирается. Тут вступают в действие иные законы: рождаются дети, создается общее хозяйство, а после сорока лет людям просто лень начинать все сначала. Противно зудящая жена, потерявшая красоту, удобна, как старые тапки. По крайней мере, знаешь, чего от нее ждать. А роскошная девица с километровыми ногами и аппетитной грудью даже пугает. Вдруг в самый ответственный момент у тебя, сорокалетнего мужика, случится сбой в нервной системе и ты опозоришься перед красоткой? Такие или примерно такие мысли удерживают большинство мужей от радикальных решений, но не от походов налево. Умные жены знают – благоверного следует иногда отпускать на длинном поводке, побегает и вернется. Так после праздничного вечера с удовольствием снимают тесные роскошные ботинки.

Но Славин был из другой категории мужиков. Первый раз он женился в двадцать пять лет на Ольге Виноградовой и прожил с ней три года. Потом на горизонте появилась Нора, и Вячеслав моментально влюбился. Он оставил Ольге квартиру, которую купил, мотаясь по стране со студенческими строительными отрядами. Была при коммунистах такая возможность зарабатывать. Молодые люди отправлялись летом в колхозы или на строительство. Большинство привозило из этих поездок массу приятных впечатлений и воспоминаний о посиделках под гитару с бутылочкой «Солнцедара», но Славин уже тогда хотел много зарабатывать. Он создал бригаду, которая крыла крыши битумом. Отвратительно грязная и страшно тяжелая работа, но оплачивалась она великолепно. Члены славинского отряда не распевали у костра и не пили портвейн, у них просто не хватало сил на это после напряженного дня. Но за три месяца накапливались деньги на кооперативную квартиру, а следующим летом запросто зарабатывалась мебель.

Отдав Ольге жилплощадь, Вячеслав не сложил руки. Написал кандидатскую диссертацию и мотался по всей необъятной Стране Советов от общества «Знание» с лекциями. Кому он только не рассказывал о превосходстве экономической системы социализма над капиталистической. Учителям, рабочим, партийным работникам, учащимся ПТУ, парикмахерам и даже заключенным. За одну лекцию ему, кандидату наук, платили двадцать пять рублей, в день он запросто прочитывал две. Теперь умножьте полтинник на тридцать дней и получите ровно полторы тысячи, при этом учтите, что средняя зарплата в те далекие семидесятые годы составляла сто двадцать целковых. А сто шестьдесят получало мелкое начальство. С Норой Славин прожил дольше всех, целых десять лет. В браке с Ольгой у него детей не было, а Нора родила четверых – Андрея, Николая, Сергея и Ребекку.

Но даже такое рекордное количество отпрысков не спасло их брак. В 1978 году Славин спешно развелся с Норой и закрутил роман со своей аспиранткой Женей. Два года тянулись отношения. Женечка, хваткая, решительная особа, отнюдь не собиралась становиться мужней женой и домашней хозяйкой. Больше всего ее заботила карьера. Вячеслав помог ей защитить диссертацию и устроил в НИИ старшим научным сотрудником. Потом Жене захотелось

сездить на стажировку во Францию. Шел 1980 год, с выездами за рубеж, в особенности в капиталистические страны, было еще очень трудно. Вячеслав предложил любовнице на выбор: Польшу или Чехословакию, но дама сердца уперлась рогом – только Париж.

Славин поднапрягся, и Женя отправилась на восемь месяцев на родину мушкетеров. Назад она не вернулась, прислала лишь с оказией коротенькое письмецо с сообщением, что терять ей нечего, в Москве никто не ждет, а в Париже есть некий Шарль, вполне обеспеченный человек...

Славин не расстроился, у него как раз начинался роман с Тамарой, тихой женщиной, голоса которой никто не слышал во время различных сборищ. Томочка бросила работу экскурсовода и принялась рьяно заниматься построением семейного счастья. Уже разведясь с ней, Вячеслав Сергеевич иногда со вздохом говорил:

– Томусик – идеальная жена, но без перца, огня в ней не хватает, слишком уж положительная.

Тамарочка изгнала из дома всю прислугу. Ей было в радость вскочить около шести утра, чтобы испечь к завтраку блинчики. Обед из четырех блюд и ужин из трех при ней были в доме Славина обычным делом. А еще варилось варенье, делалось невероятное количество заготовок, шились новые занавески, и убирала Тамарочка сама. Впрочем, стирала и гладила тоже, ну разве могла она доверить рубашки и белье Вячеслава наемной прачке...

В 1981 году Тома родила девочку Светочку, тоже тихую и незаметную. Именно в браке с Тамарой Вячеслав Сергеевич достиг высот научной карьеры, сначала стал доктором наук, затем профессором, следом академиком. Импозантный, элегантно одетый и, несмотря на обширную лысину, красивый, он всегда появлялся на всяческих празднованиях без жены. Тамара, в отличие от Норы, не любила светскую жизнь и предпочитала вечерами вязать бесконечные свитера. Наверное, ей казалось, что семейное счастье незыблемо, ведь она так много сделала для Славики. Но в 1988 году, когда Светочка пошла в первый класс, к Вячеславу Сергеевичу явилась бойкая девчушка Аня из газеты «На рубеже науки». Студентке экономического факультета, подрабатывающей журналистикой, поручили взять интервью у академика.

Начался бурный роман. Через полгода Славин развелся. Томочка вела себя тихо, скандалов не устраивала, просто молча смотрела, как любимый муж собирает чемодан.

Но Аня не собиралась высказывать замуж, три года длились невероятные отношения. Вот тут Вячеслав Сергеевич получил все, по полной программе. Истерики, драки и непрекращающиеся скандалы. Милая Анечка могла посреди ночи убежать в одних тапочках на мороз с воплем:

– Сейчас повешусь!

Вначале столь бурное проявление эмоций даже привлекало академика. После лет, проведенных со всегда ровной и спокойной Тамарой, ему хотелось чего-то «остренького». Так после двух кусков жирного, сладкого торта рука так и тянется к банке с солеными огурчиками. Но затем жизнь на вулкане стала ему надоедать. Конечно, стерва Анечка была хороша невероятно, но характер...

В 91-м у Вячеслава Сергеевича появилась на первом курсе студенточка. Анжелика Волгина. Профессор преподавал тогда сразу в трех местах и подчас путал, кому из ребят что рассказывал. Входя в аудиторию в институте, он, как правило, бодро потирал руки и спрашивал:

– Ну те-с, кто мне напомнит, о чем шла речь в прошлый раз?

Наивные студенты думали, что профессор проверяет, хорошо ли они помнят предыдущую лекцию, им и в голову не могло прийти, что Славин просто капитально забыл прошлую тему. Зал начинал гудеть, тут поднималась Анжелика и моментально сообщала интересующую информацию. Она всегда сидела на первом ряду, аккуратная, с толстой тетрадкой, а после лекции Волгина частенько ловила Славина и задавала вопросы, очень дельные. Сразу было видно,

что девочка не хлопает ушами и думает не о кавалерах, как подавляющее количество студентов, а о науке.

Поэтому, когда Лика изъявила желание писать у Славина курсовую, тот моментально согласился. Из этого ребенка мог выйти толк.

Однажды девушка подошла с каким-то вопросом, но Вячеслава Сергеевича просто раздирали на части разные посетители, и он велел Анжелике подождать. Пробежав по факультету с высунутым языком до десяти вечера, он влетел к себе на кафедру и увидел покорно сидящую в углу Лика.

Профессору стало стыдно, он совсем забыл про девушку. На дворе дул ледяной ветер, по тротуару мела поземка, и стояла крошечная темнота.

– Вот что, – отрезал Славин, – отвезу тебя домой – говори куда?

– Не надо, – покачала головой Лика, – это очень далеко.

– Говори куда! – повысил голос академик.

– В Люберцы, – ответила Анжелика.

Славин поколесил по улицам. Дом, к которому он подъехал, больше всего напоминал барак – длинный, дощатый, одноэтажный. Увидев, что в подъезде нет света, Славин галантно ввел студентку внутрь, оказался в вонючем коридоре и неожиданно попросил:

– Давай угощай чаем, заодно и о курсовой поговорим.

Лика напряглась и пробормотала:

– Хорошо.

Она провела профессора в небольшую комнату, щелкнула выключателем и робко сказала:

– Простите, у нас кухня общая, сейчас принесу чайник.

Вячеслав Сергеевич окинул взглядом старенький диван, потертую мебель производства дружественных болгар, дешевенький телевизор и крохотный холодильничек, сел в продавленное кресло... Надо же, Лика, оказывается, нуждается...

Внезапно за стеной, сделанной, очевидно, из картона, послышался голос Анжелики:

– Тетя Катя, простите, у меня гости, а ничего нет. Одолжите чай, сахар и чего-нибудь на стол.

– Бери, детка, – ответил старушечий голос, – там в буфете пряники шоколадные.

– Только я смогу отдать после третьего числа, – тихо пробормотала Лика, – стипендию получу.

– Да бери уж, горемыка, – закашлялась старуха, – и сама поешь, а то зеленая, как стручок.

Славин быстро подошел к холодильничку, распахнул дверцу и присвистнул. На полке сиротливо стоял пакет кефира.

Появилась Лика с угощением, и они завели разговор о курсовой. Вячеслав Сергеевич смотрел на ее худенькое личико с огромными глазами, прозрачную кожу и хрупкие руки...

– Родители-то где?

– Умерли давно, – спокойно пояснила Лика, – меня бабушка воспитывала, но она тоже скончалась, одна живу.

Внезапно Славин ощутил острый укол жалости. Девочка походила на крохотного котенка, выброшенного хозяевами на мороз, на беспомощного ребенка, потерявшегося в огромном магазине. Только ребенок, в конце концов, найдет в равнодушной толпе родителей, да и у котенка есть шанс обрести хозяев... Лике же предстояло пробиваться в одиночку, вылезать из барака и нищеты без чьей-либо помощи. И неожиданно Славин сказал:

– Вот что, собирай чемодан.

– Зачем? – испугалась девушка.

– Будешь жить у меня.

– Я не могу, – покачала головой Лика, – что в институте скажут?

– Ничего, – отмахнулся Славин, – потому как мы завтра поженимся.

Но расписаться им удалось только в 92-м, когда Анжелике исполнилось восемнадцать. Вот уж кто получил буквально все. Словно понимая, что это его последняя любовь, Славин заваливал молодую жену подарками: шубы, драгоценности, отдых в Ницце. Именно на брак с Ликой пришелся пик его финансового благополучия. Анжелика окончила институт, написала и защитила кандидатскую, ее оставили преподавать на кафедре. Из робкой девочки, студентки, считавшей глотки кефира, Анжелика превратилась в красивую молодую даму, уверенную в себе и элегантную. Мужа она обожала, звала его только по имени-отчеству и на «вы», во всяком случае, при посторонних, никогда не устраивала скандалов, и вообще, в ней сочетались Тамарино спокойствие и домовитость, профессиональная увлеченность Жени, красота Норы, разум и привлекательность Ольги, веселость Ани... Словом, все лучшие качества бывших жен и любовниц.

Молоденькая Лика оказалась по-женски мудрой, дружила со всеми своими предшественницами и их детьми, а с Ребеккой они стали лучшими подругами.

– Ну и что? – спросила я. – Что из этого следует?

Ребекка глубоко вздохнула:

– Мы с Ликой очень близки, честно говоря, у меня нет более надежного человека, да и по возрасту недалеко друг от друга ушли. Так вот, Анжелика считает, что убийца – член семьи.

– Почему?

Ребекка опять закурила.

– Понимаете, Лампа, папа был уже в возрасте, но душа у него была детская. Обожал шутки, розыгрыши, всякие приключения и тайны. В этом доме, например, имеется три потайных ходов.

– Да ну?!

– Точно. В библиотеке можно войти в шкаф и оказаться на первом этаже в гостиной. Потом из кухни ведет галерея на улицу, надо пройти под землей и вылезти через люк, и, наконец, зайдя в зимний сад, можно отодвинуть одну из кадок и по винтовой лестнице спуститься в холл, оказавшись затем в шкафу с верхней одеждой.

– И зачем все это?

Ребекка печально улыбнулась:

– Говорю же, он был большой ребенок. Первое время, когда дом только построили, папа обожал разыгрывать домашних.

– К убийству это какое имеет отношение?

– Никакого, но новое здание его академии возвели в 98-м году. Так вот, в его кабинет вел потайной ход.

Я так и подскочила.

– Не может быть!

Ребекка грустно улыбнулась:

– Может. Из подвала человек попадал в маленькую комнатку для отдыха, расположенную за основным кабинетом. Папа частенько засиживался на работе за полночь, отпускал Леночку...

– Кто же пользовался подземным ходом?

– Лика.

– Да зачем?

Ребекка смущенно проговорила:

– Понимаете, я ничего не знала об этой тайне, вплоть до дня смерти папы, и никто о ней не знал, кроме Анжелики. У нее было два ключа, вернее, существовала связка, лежащая у папы дома, в письменном столе. Три ключика от подвала и три от двери, за которой открывался ход. По одному ключу от каждого замка папа дал Лике, оставшиеся висели на брелочке.

– Ничего не понимаю. К чему жене пробираться тайком к мужу?

Ребекка хихикнула:

– Ну игра у них такая была, сексуальная. Папа отправлял Леночку, потом прокрадывалась Лика, и они устраивались на узеньком диванчике, словно случайные любовники. Лика говорила, что ее это здорово заводило, каждый раз будто впервые. Иногда кто-то стучал в дверь, и они замирали в восторге. Ну фенька такая, чтобы разнообразить супружеский секс. Кто-то покупает кожаные ошейники и плетки, кто-то тащится от свечей и музыки, ну а этим требовалась тайна и ощущение того, что их сейчас застанут, понимаете?

– Вроде.

– Лика говорит, что папа иногда шутил: ты, Ликуся, приглядывай за оставшимися ключиками, как увидишь, что их нет, беги ко мне и бей соперницу.

Шутка шуткой, но Анжелика все же иногда проверяла связку, правда, не специально. Полезет за чем-нибудь в стол и бросит взгляд на ключи.

За неделю до смерти Славина Лика потеряла свою сумочку. Решила сделать дубликат ключей, открыла ящик и обомлела. Связки не было.

Анжелика промучилась сутки, но потом Славин позвонил домой и шепнул в трубку:

– Ну, ты где?

Лика пробормотала:

– Ключи потеряла.

– Возьми запасные.

Славина хотела было сказать про исчезнувшую связку, но машинально выдвинула ящик и увидела... знакомый брелок в виде буквы А.

Ничего не понимая, она поехала в академию, но на следующий день на всякий случай положила связку в домашний сейф.

– Так вот как убийца попал в кабинет! – воскликнула я.

– Именно, – подтвердила Ребекка, – взял ключи, сделал дубликат – и готово, причем милиция сломает голову, как преступник проник в комнату!

– Но тогда получается, что про подземный ход знал еще кто-то!

– Да, – кивнула Ребекка, – и это свой человек, домашний.

– А может, какой преподаватель из академии...

– Нет, у нас в доме бывали только очень близкие люди, и потом... в папину спальню, а она расположена на втором этаже, в самом конце коридора, вообще никто не входил, посторонние – совершенно точно. У нас гостей принимают внизу. Там гостиная, столовая, ванная, туалет, людям просто нет необходимости идти на второй этаж. Для тех, кто решил остаться ночевать, существуют две спальни в пристройке. Вход в нее из коридора, который ведет в гостиную.

Славин, несмотря на хлебосольство и веселый нрав, тщательно оберегал покой свой и Лики. Комнаты супругов находились на втором этаже, в левом крыле, там же помещались кабинет и библиотека. На лестничную площадку вела дверь, и, если она была закрыта, все знали – ломиться не надо. Вячеслав Сергеевич отдыхает или, наоборот, работает. У академика был странный распорядок дня, дикий, по мнению всех. Ложился спать он в четыре утра, вставал в восемь, потом днем еще прихватывал часок-другой, около полуночи садился за письменный стол...

– Значит, никто из посторонних взять ключи не мог?

– Нет, только свой, тот, кто точно знал, что папы дома нет и он не хватится связки.

– А кто из родственников бывал в доме?

Ребека постукала пальцами по столу:

– Да все, кроме самой первой жены, Оли, она давным-давно живет в Америке, и Жени, та поселилась во Франции. Остальные живут постоянно: Нора, Андрей, Николай, Сергей, Тамара, Светочка и даже Аня. Правда, ее не слишком любят, она вечно скандалы устраивает! У всех

тут есть комнаты. Нора живет на втором этаже, в левом крыле, Андрей, Николай и Сергей тоже, а Тамара, Света и Аня обустроились в мансарде, там три вполне приличные комнаты.

– И что, так вместе и жили?

– Иногда уезжали на городские квартиры, но в основном да. Папа всем помогал, кому деньгами, кому советом.

– Где работают ваши братья?

– Николай, он старший, защитил докторскую диссертацию и является папиным заместителем, Андрей пока кандидат наук, тоже работал у папы, Сережа – журналист, он в газете служит.

– А мать?

– Нора? Но она никогда не работала, в этом нет никакой необходимости, она обеспечена.

– Тамара со Светой?

– Светка учится у папы в академии, собирается стать психологом, она на третьем курсе. Тамара вот уже десять лет пишет книгу об истории Москвы.

– А вы, Ребекка? Вы чем занимаетесь?

– Я – актриса, – спокойно пояснила девушка, – работаю в театре «Золотая рампа», снимаюсь в кино. Случайно сериал «Выстрел в спину» не видели? Я играла в нем главную преступницу.

– Надо же, – ахнула я, – Надя Кротова, ловкая воровка, но вы там на цыганку похожи.

– Грим, – пожала плечами Ребекка, – обычное дело.

– Где вы живете?

– Здесь, в доме, – ответила девушка.

– Значит, получается, что никому из домашних не было никакой выгоды устранять Славина?

– Выходит, так, – вздохнула Ребекка, – совсем никому!

Однако кто-то нанял сумасшедшего киллера, убившего бедного академика столь невероятным образом, кто-то дал ему дубликат ключей и кто-то передал в конверте фотографии и деньги. Правда, послание так и не попало в руки убийцы, снимки и доллары спрятаны сейчас у меня в спальне. Но заказчик оказался упорным и не трусливым, он не испугался, а предпринял еще одну попытку. Так кто же из милого семейства захотел избавиться от Славина? Кто? Бывшие жены или дети? И почему?

Глава 6

Около четырех часов дня я ехала в электричке по направлению к Москве. Отправляться из Алябьева в загазованную столицу не очень хотелось, но в шесть меня ждет инструктор в машине, а уж заодно я пробежусь по лоткам, авось милые дамы успели накропать еще по детективчику, всем нравятся бойкие женщины, ваяющие всякие криминальные истории, жаль только, что пишут они очень медленно.

«Станцию Солнечная поезд проследует без остановки», – объявил машинист.

Мимо окна проплыла платформа, мелькнули роскошные особняки, настоящие замки. Солнцевская братва старательно возводила «домики» для жен, детей и родителей. Я хихикнула: мало кто помнит, только тот, кто много лет ездит с Киевского вокзала в сторону Калуги, что столь поэтическим словом «Солнцево» район стал называться то ли в конце шестидесятых, то ли в начале семидесятых годов, а до этого он носил малопривлекательное название «Суково». Так и объявляли в электричках: «Станция Суково, следующая – платформа Переделкино».

Меня в детстве это страшно веселило. Электричка бодро пронеслась мимо Солнечной к столице. Внезапно электровоз издал резкий гудок, непрекращающийся, воющий, потом поезд мгновенно остановился. От резкого толчка с полки слетела сумка, набитая свежими огурчиками, и пребольно стукнула меня по голове.

– Итить твою налево, – пробормотала женщина, сидевшая напротив, – простите, бога ради.

– Ничего, – пробормотала я, глядя, как она подбирает упавшие зеленые огурцы, похожие на гигантских гусениц, – бывает.

– Тормозит, словно не людей везет, а картошку, – вздохнул дедок в панамке, – вона, там баба аж со скамейки сковырнулась.

Женщина, ругаясь, продолжала собирать огурцы, другие люди тоже поднимали упавшие сумки и успокаивали плачущих детей. Внезапно оживило радио: «Граждане пассажиры, в связи с техническими неполадками поезд временно дальше не пойдет. Просьба сохранять спокойствие и оставаться на местах».

– Ну е-мое, – обозлилась тетка с огурцами, – ну вечно у них хренотень выходит, то электрички поменяют, то кассу на платформе закроют, а теперь сиди тут на жаре, парься!

Остальные тоже шумно выражали недовольство, кое-кто из младенцев продолжал плакать, а у мужика, сидевшего через сиденье от меня, душераздирающе орала спрятанная в сумку кошка.

Я прислонилась лбом к стеклу и тупо разглядывала суetyающиеся за окном фигуры. Всегда сажусь в первый вагон, тогда, приехав в Москву, не надо пилить через весь вокзал к метро.

Несколько железнодорожников в синих рубашках нервно сновали туда-сюда, потом послышался вой сирены. Я подняла глаза чуть вверх и увидела, что на косогоре, там, где проходит шоссе, остановилась «Скорая помощь». Спуститься к железнодорожному полотну она не могла, поэтому медики просто вытащили носилки и пошли к электричке пешком. Минут через пять они вновь возникли перед моими глазами. На этот раз на носилках лежало нечто, прикрытое серым пледом. С видимым трудом врачи полезли вверх.

– Во, видели идиота! – в сердцах вскричала «огуречница». – Нажрался и под поезд угодил! А людям теперь сидеть на солнцепеке.

– Обычное дело, – подхватила до сих пор молчавшая тетка в ярко-красном костюме, – нашим мужикам только бы zenки залить, а там им море по колено. Эх, жаль, мой около железки не ходит, вот повезло же кому-то, избавилась от алкаша.

– Ох, и злые вы, бабы, – вздохнул дедок, – потому мужья у вас и пьют! И не мужик вовсе под поезд угодил, а женщина.

– Это ты с чего решил? – поинтересовалась тетка с огурцами.

– А вот, глянь, вещички несут.

Я опять посмотрела в окно и увидела, что один из мужиков в синей рубашке держит в руках элегантную ярко-зеленую летнюю сумочку и такого же цвета босоножки.

– Бросилась, – уточнил парень на соседней скамейке, – от несчастной любви.

– Ну и дура, – вспыхнула баба, наконец-то собравшая все огурцы, – дура распоследняя. Хочешь с собой покончить, сигай себе из окошка дома или повесься в ванной, ну чего, спрашивается, другим-то мешать? Меня вон внук на платформе ждет, извелся небось весь из-за дуры!

– У тебя, поди, камни в желчном пузыре и язва желудка, – парировал дед.

– Это почему?

– Злая очень.

– Ах ты, старый пень! – взвизгнула бабища.

Я закрыла глаза и постаралась отключиться, чтобы не слушать их перебранку. Внезапно поезд дернулся и покатил вперед.

Поход по лоткам пришлось отложить на вечер. Инструктор уже ждал меня. Довольно ловко тронувшись с места, я бойко порулила по площадке.

– Ну, видала, – довольно сказал учитель, – теперь выезжай на улицу.

– Как! Там же полно автомобилей!

Парень посмотрел на меня, потом хмыкнул:

– Ясное дело, поток идет, а ты что, думаешь ездить только, когда никого не будет? Тогда кататься тебе по двору, сейчас движение даже ночью не прекращается!

– Страшно!

– Давай, давай, – велел учитель.

Вцепившись в руль, я выехала на магистраль и мигом покрылась липким потом. Повсюду тут и там неслись «Жигули» и иномарки. Машины проскакивали буквально в сантиметре от той, где сидела я. Ноги начали предательски подрагивать.

– Не бойсь, у меня тоже педали, – хихикнул инструктор, – вперед и с песней.

Навалившись на руль, я выползла из-за троллейбуса, и тут загорелся красный свет.

– Делать-то чего?

– Ясное дело, останавливаться.

Я лихорадочно вглядывалась в светофор, вспыхнул зеленый, ноги машинально выполнили действия: сцепление, газ, рука ухватила за рычаг скоростей, «Жигуленок» подпрыгнул и встал.

– Давай еще раз, не тушуйся, спокойненько.

Я задвигала ногами, опять облом. Сзади загудели. Инструктор высунулся и заорал:

– Ну чего визжишь? Не видишь знак – ученик за рулем, объезжай!

Река машин начала обтекать несчастный, не желавший двигаться с места «жигуль». Я почувствовала, как в душе поднимает голову комплекс неполноценности. На водительских местах бойко проносившихся машин сидели мужчины, женщины, старики, старухи, подростки, чуть старше по виду Кирюши и Лизы... Они все научились прекрасно ездить, и только я потной, липкой рукой никак не могла воткнуть на нужное место ручку переключателя скоростей. Из глаз хлынули слезы. Вдруг непослушный конь плавно поехал вперед.

– Нечего сопли распускать, – приказал инструктор, – спускайся на набережную да не забудь включить сигнал...

Спустя два часа я попыталась вылезти из-за руля. Не тут-то было. Ноги не хотели слушаться, спину ломило, а руки словно судорога свела.

Увидев мои мученья, инструктор вздохнул:

– Нечего так переживать, никто с первого раза Шумахером не стал, все, когда на дорогу впервые выезжали, балдели.

– И вы?

– А то, – засмеялся парень, – чуть не умер, не расстраивайся. Еще лучше всех поедешь.

Слегка ободренная его словами, я выпала на тротуар, доковыляла до метро и стала разглядывать лотки, хозяева которых уже складывали товар.

До Алябьева я добралась около десяти и побежала через лес, тихо радуясь, что июнь – месяц самых длинных, светлых ночей.

– Лампа! – завопил Кирюшка. – Тебе тетка обзвонилась!

– Какая? – отдуваясь, спросила я, ставя на стол почти неподъемную сумку.

– Имя такое смешное, – влезла Лиза, – Ребекка. Раз десять спрашивала: «А где ваша мама? Ну когда же она придет?»

– Разбирайте пакеты, – велела я, – только аккуратно, там фрукты.

Пока дети рылись в торбе, я набрала номер Славиных.

– Немедленно идите сюда, – тихо сказала Ребекка, – все собрались.

– Что случилось?

Но девушка уже отсоединилась.

– Лампуша, чего делать с клубникой? – донеслось с террасы.

– Съесть, – ответила я, быстро меняя насквозь пропотевшую футболку на свежую.

– Она помялась.

– Отдайте мопсам.

– Да тут много.

– Сами придумайте!

– Нет уж, иди сюда.

Я помедлила секунду и вылезла в окно. Если я пойду через террасу, дети мигом привяжутся: куда, зачем, мой клубнику. Вообще-то, я их понимаю, никому неохота отковыривать от сочных ягод зеленую плодоножку.

У гаража я взяла Лизин велосипед и бодро покатила по узенькой тропинке: на колесах быстрее, чем на ногах.

Славинский особняк походил на гигантский корабль, роскошный теплоход, сияющий огнями. Я прошла сквозь холл и оказалась в большой комнате с накрытым столом. Ребекка, стоявшая у буфета, радостно воскликнула:

– Ну, дорогая, как хорошо, что ты все-таки зашла!

Очевидно, она была отличной актрисой, потому что дальнейший ее монолог звучал искренне и не фальшиво.

– Представь, Нора... – повернулась девушка к женщине, сидящей в кресле.

Я сразу узнала тетку, устроившую скандал на похоронах из-за венка. Только на этот раз вместо строгого черного костюма на ней было ярко-желтое летнее платье с глубоким вырезом, открывающим аппетитную, высокую грудь с круглой коричневой родинкой. Несмотря на четырех более чем взрослых детей, Нора сохранила идеальные формы, тонкую талию и девическую шею. Лицо ее, подозрительно гладкое для женщины, отметившей пятидесятилетие, покрывал ровный слой косметики, выразительные карие глаза, широко распахнутые, излучали дружелюбие. Волосы золотисто-каштанового тона были пострижены самым модным образом – сзади спускались на шею, а по бокам и на макушке топорщились неровными прядками.

– Представь, Нора, – продолжала Ребекка, – иду на днях в наш магазин и вижу Лампу.

Нора подняла брови.

– Тут теперь торгуют электроприборами?

Ребекка засмеялась:

– О нет, знакомься, Евлампия, дочь академика Романова, музыкант, арфистка, мы ее Лампой зовем.

– Здравствуйте, – прочирикала Нора и протянула мне тонкую руку с узкой ладонью, – очень приятно. Ваше лицо мне знакомо, наверное, видела вас по телевизору.

– Ну подумай, как интересно, – неслась дальше Ребекка, – мы не встречались со студенческих лет, я и не знала, что у Лампы тут дача. Словом, захожу за сигаретами, ба, Романова!

– И где ваш дом расположен? – поинтересовалась Нора.

– В старом поселке, на Фруктовой улице.

– Там огромные участки, – вздохнула Нора.

– Гигантские, – подтвердила я.

– Земля теперь капитал, – донеслось из угла.

– Знакомься, – продолжала Ребекка, – Аня, наша приятельница.

– Скорее родственница, – хмыкнула женщина, – причем близкая.

Я внимательно посмотрела на бывшую любовницу Славина. Худенькая, высокая, светловолосая, но с темными глазами, скорей всего, шевелюра просто крашенная. Академика, очевидно, тянуло на стройных дам, он не был любителем гигантских задниц и объемистых бедер.

В ту же секунду со двора донесся гудок.

– Это Николя, – обрадовалась Нора.

– Брат приехал, – пояснила Ребекка, – помнишь его?

Я старательно подыграла:

– Видела пару раз, ужасно давно, у тебя вроде три брата?

– Точно, – улыбнулась Ребекка.

В комнату вошел полный мужчина. Я видела Славина только на фото, но сразу поняла, что старший сын похож на отца чрезвычайно: то же круглое лицо, рот с опущенными вниз уголками, идеальной формы нос и довольно обширная лысина. К шестидесяти годам Николай, или, как зовет его Нора, Николя, потеряет остатки волос.

– Где ужин? Всем привет, – сказал вошедший.

– В такую погоду неохота думать о жратве, – резко парировала Аня.

– Ну это вам, хрупким дамам, – ухмыльнулся Николай, – а мне подавай мясо, желательно побольше, с жареной картошкой.

– Фу, – отозвалась Аня, – меня тошнит при одной мысли о говядине!

– Так тебя никто и не заставляет есть, – веселился Николай.

– Знакомься, Коленька, – прошептала Ребекка, – одна из моих лучших подруг, Лампа.

– Очень приятно, Николай, – сказал мужчина и пожал мою руку.

Минут десять все говорили о жаре, потом перебрались на здоровье...

– Где Лика? – спросила неожиданно Нора. – Право, могла и спуститься, просто неприлично.

– Ей было с утра плохо, – тихо сказала Ребекка, – она после завтрака опять легла. Впрочем, я уходила на несколько часов и не видела, когда она вернулась. Она очень переживает!

– Наша чувствительная, – фыркнула Аня, – посмотрим, как скоро Лика вновь выскочит замуж, попомните мое слово, и года не пройдет. Не похожа она на безутешную вдову, совсем не похожа!

– Как тебе не стыдно, Ньюша, – раздался тихий, но четкий голос из самого дальнего угла, где угадывались очертания кресла.

В гостиной горели только два торшера и бра над диваном, лицо и фигура женщины, укорявшей Аню, тонули в темноте.

– Ой, Тамара, не строй из себя святую, – отмахнулась Аня, – сразу было понятно, что наша Ликочка из зубастеньких. Глаза в пол, губки бантиком, а Славой вертела так, как нам и не снилось. Я-то ее давно раскусила.

– Прекрати, – продолжала Тамара, – противно слушать.

– Ничего, ничего, небось в последний раз вместе собрались, – сказала Аня.

– Почему в последний? – удивилась Нора.

– Потому что веселая вдова через полгода вступит в права наследства и продаст этот дом, – припечатала Аня, – и вообще, она нас всех терпеть не может, изображала гостеприимство только ради Славы. Вот, смотрите, сегодня даже не спустилась в гостиную, наверное, решила, что хватит ломать комедию.

– Лике плохо, – ледяным голосом заявила Ребекка, – она плакала всю ночь, утром давление за сто шестьдесят подскочило.

– Ну и что? – удивилась Нора. – Мы все страдаем, но не привлекаем к себе внимания. Истинная скорбь тиха и безгласна.

Закончив тираду, она быстрым движением поправила идеально уложенные волосы иглянула в большое зеркало, висевшее между буфетом и шкафом с посудой.

– Лике есть о чем плакать, – не успокаивалась Аня, – больше не получится по две шубы за сезон менять, придется старые донашивать. Хотя ей до конца жизни хватит.

– Да уж, – вздохнула Нора и быстро добавила: – Но дом мой, так обещал муж.

– Завещание-то еще не читали, – встряла Аня, – Слава небось всех не обидел...

Ребекка быстро попыталась перевести разговор в другое русло:

– Ужин подавать?

– А когда сообщат Славину последнюю волю? – не сдавалась Нора.

– Так, – громко сказал Николай, – автоответчик-то переполнен, вон красная лампа горит, разводите туры на колесах, лучше бы прослушали, вдруг важное чего.

Он быстро подошел к телефону и нажал черную кнопку. По комнате разнесся шорох, потом издали послышался высокий, почти детский голос:

«Дорогие мои, простите, но жить с сознанием того, что являюсь убийцей, я не могла...»

– Что это? – в ужасе пробормотала Аня. – Что?

– Лика, – прошептала Ребекка, – Ликуша...

– Замолчите, – велел Николай.

Голос же тем временем продолжал. Девушка слегка задышалась, повышала интонацию к концу фразы и буква «л» у нее иногда звучала, как «в».

«Вы знаете, как я любила Вячеслава Сергеевича, в нем сосредоточилась вся моя жизнь, все мое счастье. Но я всегда понимала, что когда-нибудь необыкновенной жизни с чудесным мужчиной придет конец. Одной женщине не под силу удержать ураган, и вы это знаете. Но я не предполагала, что финиш столь близок. Две недели тому назад Вячеслав Сергеевич объявил, что хочет развестись. Он встретил новую любовь – некую Лену Яковлеву из агентства «Рашен стар». В качестве отступного мне предлагался дом и пожизненное содержание. Скажу честно, мне всегда было непонятно, как вы, Нора, Аня, Тамара, Николай, Андрей, Сергей и Ребекка, дружите между собой и со мной... И оставаться брошенной женой я не хотела. Поэтому пять дней тому назад, четвертого июня, я наняла киллера, а седьмого числа он убил Вячеслава Сергеевича. Я решила: если не со мной, то ни с кем, никому больше мой муж не достанется, никогда! Но, убив Вячеслава Сергеевича, я внезапно поняла, что убила и себя. Жить больше не хочу и не могу, прощайте. Помолитесь за мою душу, хотя, говорят, самоубийц нельзя поминать. Простите, коли виновата в чем. Надеюсь, господь милостив и на том свете я встречу Вячеслава Сергеевича. Прощайте навсегда».

Все молчали, из автоответчика несло шипение.

– Лика! – заорала вдруг Ребекка. – Ликуша!..

Она бросилась к двери, крича:

– Ликуша, подожди, Ликуша!

– Боже мой, – прошептала Аня, – это розыгрыш, да? Глупая шутка? У Лики крыша поехала от горя? Реактивный психоз, да?

– Ужасно! – нервно вскрикнула Нора, ломая руки. – Надо немедленно ее отыскать!

– Лики нет дома, – произнесла входящая в гостиную Ребекка, – нигде нет!

– Что делать? – тихо спросила Тамара.

– Надо подумать, – ответил Николай, вытащил из кармана сотовый телефон, но маленький аппаратик, едва оказавшись у него в руке, моментально затрещал.

– Да, – резко сказал он, – слушаю, Славин.

Его лицо побагровело от тщательно скрываемого волнения.

– Да, да, хорошо, да, да...

Мы во все глаза глядели на него. Наконец Николай отложил «Сименс».

– Что? – в голос вскрикнули Нора и Аня. – Что?

Николай потер рукой затылок.

– Говори, – велела Ребекка.

– Лика бросилась под поезд сегодня днем возле станции Солнечная, – пробормотал брат.

– Ой! – вскрикнула я. – Зеленые туфли и сумочка!

– Бросилась! – взвизгнула Аня. – Дура!

– Она убила Славу! – заорала Нора. – Стерва, дрянь, гадина!

Обе женщины зарыдали. Тамара и Ребекка принялись искать валокордин, коньяк и капли Зеленина. Николай растерянно сидел в кресле. Воспользовавшись суматохой, я тихо вышла в сад, села на велосипед и покатила на дачу. Вот и конец злополучной истории, все обычно – брошенная жена и киллер.

Глава 7

Несмотря на стресс, ночь я проспала великолепно, даже ни разу не проснулась. Утром Лиза, Кирюшка и Костя Рябов решили устроить на чердаке штаб.

– Мы стащили туда раскладушки, поставили старое кресло и протянем между нашей дачей и рябовской телефон, – тарыхтел Кирюшка.

– Телефон? – удивилась я. – Это как?

– Дедушка дал, – пояснил Костя, – такие два аппарата и провод, называется «оперативная военно-полевая связь». У дедушки еще не то есть.

Я вздохнула, глядя, как они радостно разматывают какие-то веревки и шнуры. Генерал Рябов очень пожилой человек, мне он казался старым еще тридцать лет назад. Олегу Константиновичу хочется полежать на диване, почитать газету, посмотреть телевизор, но его сын женился поздно, на старости лет бравый военный получил наконец долгожданного внука, страшно шкодливого, непоседливого и активного Костю. Отец и мать мальчишки день-деньской работают. Парнишку они подкинули дедушке. Причем наняли домработницу, которая готовит ему и деду еду, стирает, убирает. Рябов обожает мальчишку, но выдержать его целый день просто не может. От бесконечного крика у Олега Константиновича голова идет кругом, поэтому он готов отдать Костику все, что угодно, чтобы тот замолчал и сбежал к нам. Позавчера это был самый настоящий боевой пистолет, правда, со спиленным бойком и без патронов, вчера – генеральская шинель, сегодня – телефон...

– Вы только осторожно, – предупредила я, – пол на чердаке ветхий, не ровен час провалится, и вещей много не затаскивайте.

– Ладно, – пообещал Кирюшка, – сначала связь наладим.

Я вытащила шезлонг, установила его под елкой, обложила детективами, развернула первую конфету и услышала мелодичное сопрано:

– Однако на вашем участке такие шикарные деревья!

По широкой дорожке, ведущей от ворот, быстрым шагом шла Ребекка.

– Как вы меня нашли?

– Тоже мне секрет, – фыркнула девушка, – дошла до Фруктовой улицы и спросила у бабулек, где академик Романов живет...

Я приняла сидячее положение и, вспомнив об обязанностях хозяйки, поинтересовалась:

– Чаю хотите?

– Лучше кофе.

На веранде Ребекка села у открытого окна и заявила:

– Что-то не пойму, вы собираетесь искать убийцу папы? Если вам мало десяти тысяч, скажите сразу. Деньги есть, да и расходы, естественно, за мой счет. Ну бензин, к примеру, вы на каком ездите?

От неожиданности я пролила кофе на скатерть. Коричневая жидкость моментально впиталась в белое полотно, превратив его в бежевое. Вот ведь жалость, скорей всего, не отстирается...

– Ну? – резко спросила Ребекка.

– Так ведь убийца Лика, она же сама призналась.

– Вздор!

– Как это? Вы считаете, что на автоответчик наговаривала не она?

– Именно что наговаривала, – фыркнула Ребекка.

– Голос не ее?

– Ее, Лидуша не совсем точно произносила звук «л», получалось, как «в», и вообще, эта интонация, нет, говорила она, сомнений никаких.

– Ну и в чем дело тогда? Она же объяснила: ревность.

– Чуть собачья, – отрезала Ребекка, – ни слова правды там нет. Вот послушайте еще раз, я переписала запись.

Она вытащила из кармана крохотный диктофон.

«Дорогие мои...» – зазвучало из динамика.

В полной тишине мы внимали голосу.

– Значит, вы не верите признанию, – протянула я.

– Нет.

– А почему?

Ребекка вытащила плоскую железную коробочку, выудила сигарету и закурила.

– Лика не могла убить отца, она его обожала, слепо обожала, любила до умопомрачения.

– Но запись...

– Значит, ее заставили произнести этот текст!

– Как?

– Не знаю, приставили пистолет к виску, сильно избили. Ну почему она не написала предсмертное письмо, а наговорила кассету, почему, а? Нет, тут что-то не так, убийца просто хочет свалить вину на Лику. И если раньше я хотела найти человека, который задумал уничтожить папу, то теперь мечтаю сделать это вдвойне, чтобы обелить память лучшей подруги. Пятнадцать тысяч!

– Что?

– Дам пятнадцать кусков, если распутаете клубок.

Я молча встала, вышла в спальню, потом вернулась, держа в руках конверт:

– Посмотрите.

– Что это? – удивленно воскликнула Ребекка, вытаскивая доллары и снимки. – Папины фото, откуда?

– Мне тоже кажется, что в заявлении Лики что-то не так, – пробормотала я, – послушайте, как ко мне попал конверт.

– Невероятно, – прошептала Ребекка, узнав историю, приключившуюся с Кирюшей, – уму непостижимо.

– Да, – согласилась я, – впрочем, есть еще одна странность. В своем предсмертном послании Лика заявила, что наняла киллера четвертого июня, но это не так. Неизвестная женщина вручила Кириллу пакет 30 мая. 29 мая мы переехали на дачу, и на следующий день произошла эта история.

– Слушайте! – воскликнула Ребекка. – Мы близки к разгадке! Сейчас схожу к себе, принесу снимки всех домашних, и покажем мальчику, идет?

– Великолепная идея, – обрадовалась я, – у Кирюшки чудесная память, давайте.

– Вот что, – резко сказала Ребекка, – поскольку вам придется у нас бывать под видом моей закадычной подруги, предлагаю сразу перейти на «ты». Согласна?

– Хорошо, – начала я, и тут раздался оглушительный треск, вопль и лихорадочный лай собак.

Не говоря ни слова, я рванулась в гостиную, Ребекка за мной. Первое, что мы увидели, влетев в комнату: две ноги в сандалиях, свисавшие с потолка.

– Говорила же! – в сердцах воскликнула я. – Потолок дряхлый, осторожно! Ты кто?

– Кирюшка, – донесся глухой голос, – Лампа, вынь меня.

– Вылезай сам!

– Не получается.

– Упрись руками и аккуратно подтянись.

– Не могу.

– Почему?

– Застрыл, лучше тащи за ноги.

Я ухватила мальчишку за щиколотки и дернула.

– Ой, ой, ой, – застонал тот, – тише, живот режет, доска колючая!

Я попыталась остороженько освободить пленника, но тело не двигалось.

– Лиза, Костя, потяните его вверх.

– Ой, ой! – вновь издал вопль Кирюшка. – Ой, больно!

– Не идет! – крикнула Лизавета. – Сидит прочно, чего теперь делать?

Внезапно Ребекка рассмеялась:

– Ой, первый раз такое вижу, ну умора. А ты попробуй руками по доскам поколотить, если они гнилые, то еще кусок отвалится, и отверстие расширится, живо освободишься.

Послышался стук, потом голос Кости:

– Давай помогу!

В ту же секунду вновь раздался треск, из потолка посыпался мусор, и Кирюшка с оглушительным воплем рухнул вниз. Мы даже не успели испугаться. Прямо под дырой в потолке в гостиной стоял обеденный стол, а в центре его, на белой скатерти – я очень люблю, когда столешница закрыта ослепительно белым, крахмальным полотном, – находилось большое блюдо с клубникой, засыпанной сахаром. Именно в него и угодил Кирюшка. Даже если бы он захотел выполнить подобный трюк нарочно, небось не попал бы в блюдо... Но сегодня моим скатертям не везло. Сначала на веранде пролился кофе, а теперь... Красные липкие брызги взлетели фонтаном вверх, Кирюшка обалдело крутил головой, я разинула рот, а Ребекка произнесла:

– О, вот это...

Никогда бы не подумала, что эта дама знает такие слова!

В зияющей дыре потолка виднелись лица Лизы и Кости.

– Ну как, порядок?! – завопил Костя.

Я хмыкнула. Такой вопрос часто задают в американских фильмах. К главному герою, только что выпавшему из горящего поезда, подлетает полицейский и заботливо осведомляется:

– Эй, приятель, все о'кей?

Глупее фразы и не придумать. Конечно, о'кей! Только надо выковырнуть пару пуль из головы, залечить ожоги и вправить сломанную шею.

Но Кирюша жалобно ответил:

– Нормалек, ребята, только...

Но он не успел закончить фразу, раздался визг, и сверху рухнул какой-то мешок.

...– выпалила Ребекка.

– Блин! – завопила Лиза. – Муля, кретинка, эй, Костя, держи Аду, гони их всех вон!

Я перевела дух и глянула на стол. У Кирюшки на руках очумело вертела башкой мопсика. Очевидно, собачка кинулась спасать своего хозяина.

– Так, – обозлилась я вконец, – предупреждала же, пол на чердаке хилый, ничего не затаскивайте. А вы! Еще и псов на чердак загнали. Да одна Рейчел восемьдесят килограмм весит! Удивительно еще, что весь потолок не обрушился!

– Вылезай из клубники, – приказала Ребекка, – да иди мыться, а то ты похож на миску из-под сокодавки.

– Ладно, – пробормотал Кирюша и вежливо сказал: – Здрасьте, тетя Алина.

– Это ты мне? – удивилась гостья. – Извини, дружок, ты перепутал, впрочем, давай знакомиться: Ребекка, для хороших друзей Бекки, можно без тети. Честно говоря, меня жутко раздражает, когда молодые люди твоего возраста начинают «тетенькать».

Кирюшка начал сползать со стола.

– погоди, – медленно сказала я, – где ты видел раньше Ребекку?

– Эх, – горестно сказал Кирилл, – пропала любименькая футболочка! Как где? У метро «Динамо». Сама же меня отправила к тете Алине за дурацким конвертом!

- Это она?
- Конечно, но, если ей хочется, могу называть ее Бекки, мне совершенно все равно, – бубнил Кирюшка, стаскивая измазанную майку.
- Я уставилась на Ребекку, та на меня.
- Ничего не понимаю, – пробормотала она, – какая Алина, какое «Динамо»? Да я давным-давно метро не пользуюсь, езжу на автомобиле.
- У тебя есть коричневая индийская юбка из марлевки?
- Бекки спросила:
- Какая?
- Я пошла в свою комнату и вытащила юбку.
- Вот.
- Есть, – пожала плечами Ребекка, – между нами говоря, отвратительно дешевая тряпка, но в жару просто спасение.
- А желтая кофта?
- Бекки нахмурилась:
- Штук шесть или семь, я люблю этот цвет. Но вообще, желтое – это звучит так обтекаемо, нельзя ли уточнить...
- Я распахнула гардероб и велела:
- Давай, Кирилл, покажи, какая рубашка была на Алине?
- Мальчик начал передвигать вешалки:
- Тут такой нет.
- Нас интересует не фасон, а цвет!
- Кирюшка еще раз подвигал «плечики».
- Вот, точь-в-точь, но пуговиц не было и на груди надпись по-английски.
- Ребекка вздохнула:
- Какой же это желтый, это самый настоящий оранжевый.
- Подумаешь, – фыркнул мальчишка, – ведь не зеленый же! А так один шут, желтый или оранжевый.
- Одевайся, – предложила я Ребекке, протягивая юбку и рубашку.
- Зачем?
- Давай, давай.
- Бекки моментально сбросила светлые брюки и розовенькую маечку. Белье у нее оказалось первосортное и страшно дорогое, а фигура изумительная, без всяких складок, валиков жира и отвислой груди. Да, с таким телом и я бы моментально обнажилась в любой компании. Впрочем, Ребекка актриса, а они привыкли переодеваться на глазах у посторонних.
- Ну, – спросила Бекки, влезая в юбку, – ну, смотри, это я была?
- Кирюшка отошел в сторону.
- Футболка не такая!
- Это мы поняли, – ответила я, – а в целом как?
- Мальчишка покусал нижнюю губу, потом сказал:
- На той очки были.
- Я протянула Ребекке очки.
- Не, не такие, – завозмущался Кирюшка.
- Бекки секунду смотрела на него, потом вытащила из кармана брюк большие «блюдца» в белой пластмассовой оправе.
- Во! – завопил Кирка. – Они, точь-в-точь! Волосы сзади собраны...
- Ребекка затянула на затылке хвостик.
- Она, – уверенно ответил мальчишка, – я еще подошел, только хотел сказать: «Здравствуйте, тетя Алина», а она сразу: «Ты Ричард?»

– При чем тут Ричард? – совершенно растерялась Ребекка. – Это еще кто такой?

– Потом объясню, – отмахнулась я. – Ну а теперь разыграйте сцену. Ты, Бекки, бери конверт, протяни Кирюшке и спроси: «Ты Ричард?»

Ребекка, как все актрисы на сцене, моментально преобразилась. Вытянула руку и поинтересовалась:

– Ты Ричард?

Кирюшка взял пакет и сказал:

– Та тетка была ниже ростом.

– Сними каблуки, – велела я.

– Но у меня шлепки, – возразила Ребекка.

Я посмотрела на ее изящные ступни, обутые в нечто, больше всего напоминающее сандалии римских легионеров: абсолютно плоская подошва и несколько переплетающихся ремешков.

– Я не ношу в обыденной жизни каблуки, – пояснила Бекки, – с моим-то ростом! Кавалеры комплексуют, я частенько выше их оказываюсь, а на каблуках вообще Останкинская телебашня.

– Тетя Алина ростом чуть повыше Лампы, – заявил Кирюшка.

Так, а я едва дотягивала до метра шестидесяти.

– Ну, впрочем, не такая коротышка, – размышлял Кирюшка, – я бы сказал, она посередине между вами, выше Лампы и ниже Бекки. И потом, у нее были огромные каблуки!

– Да? – удивилась я. – Откуда ты знаешь?

– А она мне сунула конверт и в станцию шмыгнула, я за ней пошел, так Алина прямо бежала вперед, я только на эскалаторе еду, гляжу, она уже в вестибюле внизу и к поезду, вдруг так набок покосилась, чуть не упала, а баба рядом стояла и говорит девочке: «Ты все каблуки просишь, смотри, вон тетенька чуть не упала, так и ногу сломать недолго, виданное ли дело, на таких ходулях носиться!»

Он замолчал.

– Иди мыться, – пробормотала я.

– Не ездила я на «Динамо», – проговорила Ребекка, – ей-богу...

– Знаю, – ответила я.

– Тогда кто это? Может, фото принести?

– Не надо. Та дама явно постаралась, чтобы ее в случае чего приняли за тебя. Одежда, очки, волосы, вот только с ростом осечка вышла. У тебя сколько сантиметров?

– Метр восемьдесят, – ответила Бекки, – в модельный бизнес приглашали, манекенщицей, только я не пошла. Зато когда в театральную школу поступала, так экзаменаторы прямо на рога встали: нет, не возьмем, ну где ей партнеров искать? Ставить мужчин на котурны? ¹

Она замолчала. В повисшей тишине было слышно, как Лиза и Костя переругиваются на чердаке, а Кирюшка поет в ванной.

– И что теперь делать? – тихо спросила Бекки.

– Искать убийцу, – ответила я.

¹ Котурны – специальные башмаки на очень высокой подметке, которые надевали актеры в Древней Греции.

Глава 8

В агентство «Рашен стар» я приехала к четырем часам дня. Честно говоря, я думала, что в этой конторе занимаются модельным бизнесом, но на двери висела вывеска: «Биржа актеров».

Я вошла внутрь и очутилась в просторной комнате, где на кожаных креслах и диванах восседало штук пять девиц весьма вызывающего вида: все одеты в коротенькие обтягивающие стрейч-платица. Хотя назвать платьем кусок ткани размером с почтовую марку язык не поворачивался. Да еще декольте у троих спускалось до пояса, впрочем, у двоих оставшихся верхней части одежды просто не было, ее заменяли тонюсенькие ляпочки. Я в своих светло-песочных брюках и бежевой футболке выглядела среди них как монашка, случайно затесавшаяся в компанию проституток.

Чуть поодаль от «цветника», у стены, располагался огромный письменный стол. За ним восседала дама лет сорока с угрожающе размалеванным лицом.

– Простите, – обратилась я к ней, – кто занимается подбором актеров?

Не отрывая глаз от компьютера, где мелькали какие-то фигурки, секретарша процедила:

– Фамилия?

– Чья?

– Ваша, разумеется.

– Романова.

Дама ткнула пальцем в кнопку «интеркома». Я обратила внимание, что у нее невероятно длинные ногти, покрытые лаком отвратительного темно-синего цвета.

– Да, – прохрюкал динамик.

– Еще Романова, – бросила секретарша и спросила меня: – Из какого театра?

– Я не из театра, я...

– Вольная птичка, – сообщила дама.

– Пусть ждет! – каркнул голос.

– Садитесь, – велела секретарша.

– Но...

– Садитесь и ждите! – рявкнула она и перевела на меня глаза.

Выражение их было таким, что я машинально повиновалась и шлепнулась на диван возле одной из девиц, о чем моментально пожалела. От милой девушки одуряюще несло французским парфюмом. Несмотря на жару, она опрокинула на себя, наверное, целый флакон.

Внезапно дверь одного из кабинетов распахнулась, и вылетела девочка в таком же крохотном сарафанчике. Судорожно комкая носовой платок, она побежала по коридору и исчезла за дверью с табличкой «WC».

Девицы в креслах задвигались и выжидательно уставились на секретаря. Та опять ткнула синим когтем в кнопку.

– Вениамин Михайлович, запускать?

– Давай Романову! – гаркнул динамик.

– Заходи, – кивнула мне дама.

– Но она только что пришла, – пискнула одна из девочек, – а я с утра сижу!

– И на ночь останешься, – отрезала секретарша. – Господин Селезнев сам решает, с кем ему говорить!

Я вошла в просторный кабинет, стены которого были сплошь увешаны фотографиями и афишами.

– Вы тоже на роль шлюхи? – осведомился мужик лет тридцати пяти в очень мятой светлой рубашке.

– Я...

– Ну наконец-то, – вздохнул парень и вышел из-за стола. Он подошел ко мне и удовлетворенно заявил: – Хоть одна нормальная появилась. Девки прямо с ума сошли, натянут майки, сиськи вперед, трусов нет... Обалдеть! Имя!

– Чье?

– Ваше.

– Евлампия.

– Класс! – взвизгнул администратор. – Прикол! Врешь!

– Ей-богу, Евлампия, сокращенно Лампа.

– Офигеть, – продолжал восхищаться Вениамин Михайлович, – ну-ка, пройдишь!

– Зачем?

– Давай, давай, от окошка к двери.

Я удивилась, но послушно выполнила приказ.

– Так, – потер руки Вениамин, – самое то! Где играешь?

– Нигде.

– Ага. Что закончила?

– Московскую консерваторию.

– Абзац, – радовался мужик, – ну при чем тут консерватория?

Я пожала плечами:

– Мама захотела, чтобы дочка умела играть на арфе.

– Ладушки, – обрадовался Веня, – значит, так. Ты мне, голуба, подходишь на все сто, только не на роль шлюхи. Есть там одна очень симпатичная особа, сестра главной героини, ролька довольно большая, твой шанс. Завтра в восемь утра придешь...

– Спасибо, но не надо.

Вениамин захлопнул рот, помолчал секунду, потом сказал:

– Ты не поняла. Я беру тебя на роль Алевтины.

– Не надо.

– Ты что, с дуба упала? – обозлился мужик. – Роль в телесериале, верный путь к славе, сплошные убийства, пиф-паф... Ну, врубилась? Или от счастья мозги заклинило?

– Роль мне не нужна.

– Роль не нужна? – медленно повторил Вениамин и сел в кресло. – А что тогда?

– У вас есть актриса Елена Яковлева?

Веня ткнул пальцем в черную клавишу.

– Верочка, глянь, в картотеке Елена Яковлева есть?

– Целых две, – спокойно ответила секретарша. – Вам Елену Андреевну или Елену Михайловну?

– Тебе какую?

– Возраст назовите.

– Верунчик, глянь, сколько им натикало.

– Яковлева Елена Андреевна, 1938 года рождения, только, по-моему, врет, – ответила Верочка, – на фотографии чистая мумия. А вот второй – месяц тому назад двадцать два исполнилось.

– Это мое, – удовлетворенно ответила я, – дайте адрес и телефон.

– Возьмешь у Веры, – бросил Веня и спохватился: – А зачем?

Я посмотрела в его глуповатые, какие-то бараньи глаза и мирно сказала:

– Нанимаю для сына гувернантку, хочу актрису, хорошенькую.

– А-а-а, – протянул мужик.

Пока он пытался сообразить, что к чему, я выскочила в коридор, взяла у Верочки все необходимые координаты Лены Яковлевой и уже хотела уходить, как дверь кабинета распахнулась и, словно черт из табакерки, вылетел встрепанный Веня.

– Эй, Евлампия!– заорал он. – Оставь свои данные!

– Зачем? – изумилась я.

– Ну, может, передумаешь насчет Алевтины...

– Мне роль не нужна.

– Все равно оставь, – не сдавался антрепренер, – роль-то класс, в телесериале.

– Спасибо, не хочу.

– Давай телефон, дура! – рявкнул Веня.

– Вот пристал, – обозлилась я, – нет телефона!

– Адрес! – сказал Вениамин. – Адрес говори!

Я закатила глаза:

– Сделай милость, не утруждайся, я терпеть не могу кино, даже детективы, читать книжки намного интереснее. И потом, ну чего ты ко мне, не слишком молодой и красивой, привязался? Вон сколько девочек сидит!

– Где ты увидела девочек? – налился краснотой Веня.

Я ткнула пальцем в диван и кресла:

– Вот.

– Это шалавы! – взвился Веня. – Идиотки, у которых даже не хватает ума, чтобы одеться по-другому, как из одного яйца, актрисы, блин! А ну, пошли вон, и ежели завтра опять в дурацких сарафанах явитесь...

Девочки мигом подхватились и выскочили в дверь. В кабинете затрезвонил телефон.

– Ща, никуда не уходи, – велел Веня, – обедать поедем, в «Интурист».

Не успел он скрыться, как я в ужасе понеслась к выходу. Обедать в Интуристе, с этим кретином?!

– Девушка! – крикнула Верочка.

Я притормозила.

– Что?

– Вениамин Михайлович редко когда так настаивает, – сообщила секретарша, – вы ему явно понравились.

– А он мне нет! – выпалила я и в два прыжка оказалась на улице.

Так, что теперь делать?

– Простите, – раздался сзади робкий голос.

Я повернулась. Девушка, одна из тех, с ляпочками, робко спросила:

– Извините, где вы покупали брюки и майку?

– На Черкизовском рынке, там такой одежды как грязи.

– Спасибо, – обрадовалась актрисочка.

Я посмотрела, как она, слегка покачиваясь на высоченных каблучищах, семенит по направлению к метро. Голову даю на отсечение, завтра эти дурынды явятся к Вене, все как одна, в дешевеньких брючках и копеечных футболочках.

К моей радости, у метро нашелся работающий телефон.

Яковлева схватила трубку сразу:

– Аллю.

– Можно Лену?

– Я слушаю.

– Мы с вами, скорей всего, незнакомы...

– Кто вы?

Я помолчала секунду, а потом решила рискнуть:

– Ребекка Славина.

– Ой! – пробормотала Лена.

– Мне надо с вами поговорить.

– Хорошо, приезжайте.

Жила Яковлева в шикарном месте, на Арбате, в переулочке, как раз за почтой. Но стоило мне зайти внутрь, сразу стало понятно – квартира огромная, роскошная, но грязная, коммуналная.

По извилистому коридору мы добрались до последней комнаты, девушка распахнула белую дверь и пробормотала:

– Входите.

Я оказалась в не слишком просторном помещении, метров пятнадцати, не больше. Обстановка так себе, бедная. Диван, знававший лучшие времена, стол, несколько книжных полок и два весьма ободранных кресла. Телевизор тут стоял старый, отечественный, и холодильник сверкал никелированными буквами «Минск».

– Что вам надо? – тихо спросила Лена.

Я принялась изучать последнюю любовницу Славина. На первый взгляд ничего особенного. Худенькая, стройная, чуть выше меня ростом. Коротко стриженные почти черные волосы, небольшие карие глаза, аккуратный рот... Таких девушек по улицам бродят толпы, цена им – пятак пучок в базарный день.

– Понимаете, – сказала я, усаживаясь без приглашения в довольно засаленное кресло, – мы ничего о вас не знали и не позвали на поминки.

Лена дернулась и быстро ответила:

– А я бы и не пошла!

– Почему? Разве папа не рассказывал вам, что все его женщины дружат?

– Рассказывал, только я не такая, как все, – довольно зло ответила девушка.

– Ну-ну, со мной вам ругаться не надо, я – дочь, а не бывшая жена.

– Знаю, – буркнула Лена. – Зачем вы явились?

Я тяжело вздохнула. Однако она невежливая особа и к тому же дурно воспитанная! Может, у Вячеслава Сергеевича существовала цикличность чувств?

Наглая Нора, вежливая Тамара, хамоватая Анна, интеллигентная Лика, а потом вновь грубая Лена?

– Просто мне хотелось посмотреть на женщину, которую любил отец.

– Любуйтесь, – фыркнула Лена, – между прочим, он мне предлагал выйти за него замуж.

– Да? А вы что?

– Ответила согласием и, если бы не смерть Славика, сейчас готовилась бы к свадьбе.

Кстати, его жена была в курсе. Славик сообщил ей о намерении развестись! Вот так!

– Простите, – тихо спросила я, – а сколько времени вы э... дружили?

– Почти год.

– Понятно.

– Ничего вам не понятно, – рявкнула Яковлева, – у нас была жуткая любовь, да Славик каждый день мне розы охапками таскал!

– У вас ведь день рождения был недавно...

– Да.

– А что вам папа подарил?

Глаза Лены заметались по комнате.

– Какая разница?!

– Понимаете, у Лики исчезло очень дорогое кольцо, платина с бриллиантом. Честно говоря, в воровстве заподозрили прислугу, хотят сообщить в милицию. А я грешным делом подумала...

Лена расхохоталась:

– Теперь понятно, зачем вы явились. Ваша домработница определенно воровка, мне Славик колец не дарил.

– Да? А, простите, что все-таки преподнес вам отец?

Яковлева напряглась, потом легко встала, подошла к шкафу и вытащила коробочку.

– Часы.

– Хорошо, – пробормотала я, – очень приятно было познакомиться.

– Взаимно, – кивнула актриса, – я тоже рада, а то он все повторял: «Бекки, Бекки...», жутко хотелось на вас взглянуть.

Я откланялась и ушла. Солнце палило немилосердно, просто Африка какая-то. До урока вождения еще есть время и можно спокойно посидеть, подумать. Я вышла на проспект Калинина и чуть не задохнулась от выхлопных газов. Нет уж, лучше вернусь назад в тихий переулочек, тем более что там очень удачно расположилось небольшое кафе, а разноцветные зонтики дают достаточно тени.

Очумевшая от жары официантка принесла вазочку с чуть подтаявшим мороженым и извиняющимся тоном сказала:

– Парилка, как в бане. Только из холодильника вынула, и готово, вода водой.

– Ничего, и так съем, – утешила я ее и начала ковырять ложечкой в белой вазочке.

Интересно, кто нанял Елену, чтобы она исполнила роль любовницы Славина? Кому пришла в голову идея сценария, кто режиссер сей дурно поставленной пьесы? Ну, подумайте сами. Вячеслав Сергеевич знаком с девушкой, по ее словам, целый год и позволяет ей жить в подобной обстановке? Да, насколько я понимаю характер Славина, если бы милая Леночка и впрямь покорила сердце академика, она уже давным-давно справила бы новоселье в новой квартире. И еще, щедрый академик, богатый человек, бонвиван и Казанова дарит любимой женщине на день рождения электронные часы «Кассио»? Да им цена тысяча рублей, и продаются они в каждом ларьке! Нет, грубиянка Леночка врала, и мне следует вернуться назад и прижать фантазерку!

Я уже хотела встать, как из подъезда выскочила Яковлева. Быстрым шагом, не оглядываясь, девица ринулась на проспект. Я поспешила за ней. Очень хорошо, сейчас посмотрим, куда наша актрисочка спешит.

Вдруг она торопится сообщить заказчику о визите «Ребекки». Стараясь шагать тихо, я поспешила за Леной. Та, не оглядываясь, донеслась до почты, взмахнула рукой. Тут же остановилась белая машина. Не успела я сообразить, что к чему, как Яковлева села внутрь, и иномарка умчалась. Я носилась по краю тротуара, бестолково размахивая руками, никто не собирался меня подвозить. Через пару минут стало ясно – даже если удастся найти «левака», белая «Нексия» упущена безвозвратно.

«Ну ничего, – успокаивала я себя, отправляясь к метро. – Подумаешь, ерунда. Адрес-то есть и телефон известен. Порулю немного и вернусь к девочке».

Глава 9

Инструктор при виде меня с хрустом потянулся:

– Опаздываете, мадам.

– Всего на пять минут, извините.

– Ладно, – благодушно засмеялся парень, – значит, маршрут такой: по набережной, мимо здания парламента, направо вверх до Красной Пресни, а там тормознем.

Я уверенной рукой ухватила баранку, весьма ловко отъехала и покатила по набережной. И ничего трудного в управлении машиной нет, подумаешь!

– Отлично, – одобрил парень, когда мы миновали Хаммеровский центр, – объясняю новый прием. Ну-ка, затормози у светофора на горке.

Я покорно нажала на педаль. Тут же свет изменился на зеленый.

– Давай, – велел учитель.

Я отпустила тормоз, хотела выжать сцепление, но не тут-то было. «Жигуленок» покатился назад, раздался тревожный сигнал. Я глянула в зеркальце. Прямо за мной стоял роскошный, сверкающий, серебристый «Мерседес».

– Ну еще разочек!

И вновь бедный «жигуль» рванулся вниз. Сзади уже гудели не переставая.

– Значитца, так, – совершенно спокойно резюмировал парень, – не получается, а почему?

– Может, отведешь машину в сторону и объяснишь?

– Ща сама поедешь!

– Так сигналият!

– Пусть объезжает, козел, у нас на стекле знак «Ученик за рулем»!

– Он не может, видишь, машин сколько!

– Купил «шестисотый» «Мерседес», придурок, а водить не научился, – фыркнул парень, – ничего, объедет. Слушай сюда, берешь ручник, поднимаешь, отжимаешь сцепление, газуешь и медленно отпускаешь ручник! Поняла?

– Ага, – кивнула я.

– Действуй!

Несчастный «Мерседес», очевидно, понял, с кем имеет дело, и покорился судьбе. Я принялась мучить «жигуленок». Светофор успел поменяться шесть или семь раз, когда несчастный автомобильчик наконец-то прыгнул вперед, проехал метров сто и очутился на трамвайных рельсах. Тут же раздался оглушительный звон.

– Сдай назад, – спокойно приказал учитель.

Я, в ужасе наблюдая, как на нас на огромной скорости надвигается ярко-красный трамвай, тут же послушалась.

– Блин! – заорал инструктор.

«Жигуль» мгновенно встал, хотя я и не нажимала на тормоз. Сзади раздался неприятный скрежещущий звук, от неожиданности я пребольно стукнулась грудью о баранку.

– А ну, вылезай, идиот! – завопил хозяин «мерса».

– Сиди, – велел инструктор и вышел.

– Белены объелся, ты мне фару разбил! – проорал мужик лет сорока, в дорогом летнем костюме.

– И где у тебя фара, на лбу? – спокойно поинтересовался шофер. – Над слепыми глазами? Чего же ты ее раньше не включил? На стекло глянь – «За рулем ученик». Значит, следовало держать дистанцию. Ща ГИБДД вызовем и поглядим, кто из нас ху!

– Сейчас доумничаешься, гондон, – прошипел водитель «мерса». – Эй, ребята!

Дальше события разворачивались словно в дурном анекдоте. Из салона выбрались двое юношей весьма характерного вида.

Несмотря на жуткую жару, от которой плавился асфальт, мальчишки были втиснуты в черные рубашки, того же цвета брюки и тупоносые кожаные ботинки на толстой подметке. Представляю, как у них потеют ноги!

– Не волнуйтесь, Игорь Серафимович, – сказал один, самый высокий, – ща мы этому козлу объясним, что почем!

Инструктор слегка побледнел, но стойко выдержал «наезд».

– Сам козел.

– Глянь, – протянул второй качок, – еще и разговаривает.

Нехорошо усмехаясь, юноши двинулись к моему учителю. Тот, мигом нырнув в «жигуленок», достал монтировку. Я испугалась до жути и кинулась к хозяину «Мерседеса», который преспокойно курил, облокотясь на капот.

– Погодите, он не виноват!

Игорь Серафимович вздернул правую бровь, смерил меня сверху вниз оценивающим взглядом и поинтересовался:

– А ты кто?

– Да я сидела за рулем и не посмотрела назад, трамвая испугалась!

– Ага, – хмыкнул Игорь Серафимович, – и давно рулишь? Права когда получила?

– Я только учусь.

– Пока за рулем ученик, за все его действия отвечает инструктор, – возразил хозяин «мерса».

– Не надо его бить, – взмолилась я, – давайте я заплачу за вашу фару, и делу конец.

Игорь Серафимович вытянул губы вперед и переспросил:

– Значит, денег дашь? И сколько?

Я подумала секунду и сказала:

– Ей-богу, не знаю, сколько стоит такая фара. Двести пойдет?

Игорь Серафимович тяжело вздохнул.

– Триста, – быстро добавила я, – только простите, больше с собой нет.

Парни в черном с большим интересом вслушивались в нашу беседу.

– Давай, – сказал хозяин.

Я открыла кошелек, вытаскивая розовенькие бумажки, и протянула Игорю Серафимовичу:

– Вот.

– Что это?

– Как? Деньги. Только же договорились, триста рублей.

Внезапно хозяин «шестисотого» начал хохотать, одновременно залились смехом и парни в черном. Даже мой инструктор хихикнул. Я откровенно не понимала, в чем дело.

– Вот что, берите деньги, хотя мне их ужасно жаль, но, раз я виновата, делать нечего, и давайте разъезжаться.

Но Игорь Серафимович в изумлении рухнул на кожаное сиденье «Мерседеса» и затрясся в конвульсиях.

– Триста рублей! И тебе их жаль! Что же ты хотела с этой суммой сделать, горемыка?

– Фруктов детям купить, а себе романов детективных, нечего ржать, забирай, и все, – обозлилась я.

– Небось муженек у тебя круче Рокфеллера, – веселился наглый Игорь Серафимович, – отслюнил бабе целых триста рублей!

Вот тут я озверела окончательно. Кто дал право этому богатому придурку издеваться надо мной? Твердым шагом я подошла к «мерсу» и заявила свистящим шепотом:

– Нечего из себя самого богатого корчить, и покруче есть. Рядом с Биллом Гейтсом ты нищий, понял, урод? А триста рублей, между прочим, половина пенсии по старости. Небось у тебя у самого мать в детстве полы мыла за восемьдесят рублей в месяц! Забирай деньги и сваливай отсюда, козел!

Парни присвистнули. Инструктор, воспользовавшись тем, что они отвернулись, вскочил в «Жигули».

Игорь Серафимович внезапно серьезно спросил:

– И кем же ты служишь?

– Я не служу, а работаю, музыкантом, играю в ансамбле на синтезаторе, а вообще я – арфистка, окончила консерваторию.

– Что здесь происходит? – раздался грубый голос.

Я оглянулась, от белой машины с ярко-синими полосками на боках отделился кабанобразный милиционер.

– Так, – продолжал он и, моментально оценив ситуацию, накинулся на меня: – Назад не глядели? А что в правилах сказано, зачем водителю дано зеркало заднего вида? Ну? Зеркало заднего вида служит для подачи заднего вида в глаза водителя. И когда им не пользуются, выходит ДТП.

– Что? – окончательно обалдев, поинтересовалась я. – Что?

– ДТП, – вновь произнес три загадочные буквы мент, – ну, оформлять начнем?

– погоди, – остановил его Игорь Серафимович, – я без претензий, она заплатила, целых триста рублей!

– Сколько? – захихикал постовой.

– Ты чем-то недоволен? – ледяным голосом произнес хозяин «мерса».

– Коли разобрались, так разъезжайтесь, – велел служивый, – живей, живей, освобождайте проезд, ишь, встали, пробку устроили...

Я пошла к «Жигулям», Игорь Серафимович высунулся в окно:

– Эй, арфистка!

– Чего тебе? – притормозила я. – Денег больше нет.

– Тебя как зовут?

– Евлампия.

– Умереть не встать! Врешь!

– Господи, как ты мне надоел! Уезжай, бога ради, и отвяжись! – взвилась я.

– Нет, скажи, как твое имя.

– Евлампия! Представилась уже!

Секунду мужик молчал, потом расхохотался и крикнул, отъезжая:

– До встречи, арфистка!

Я влезла в «Жигули», но на этот раз на место пассажира. Инструктор ловко повернул направо, и мы понеслись в потоке машин. Я чувствовала, как у меня бешено колотится сердце и слегка подрагивают ноги.

– Ну приколистка, – пробормотал шофер, – триста рублей такому парню предложила!

– Ну и что? Мало, да?

Парень хмыкнул.

– Фара от «шестисотого» «мерса» стоит как минимум пятьсот!

– Доложил бы еще двести и купил, я давала больше половины стоимости!

Инструктор глянул на меня, вздохнул и произнес:

– Долларов. Фонарик тянет на полтыщи «зеленых»!

Я чуть не лишилась чувств.

На следующий день около десяти утра я звонила в квартиру Яковлевой с твердым желанием заставить девчонку сказать правду. А то, что она мне наврала, теперь я знала точно. Вчера вечером я рассказала Ребекке о визите, и та сообщила страшно интересную информацию. Оказывается, папа никогда не звал ее Бекки, говоря, что эта кличка больше подходит для болонки. И еще, он, естественно, делал своим дамам дорогие презенты, никогда не забывал про дни рождения и праздники, но... но роз не дарил. По очень простой причине. У него была аллергия на них, причем не только на цветы, но и на варенье из лепестков и лосьон для лица «Розовая вода».

– У нас в саду полно всего растет, – пояснила Ребекка, – но королевы цветов нет! Отец начинал чихать, кашлять... Его секретарша Леночка съездила как-то в Болгарию на море и привезла духи «Розовое масло». Облилась с ног до головы и явилась на работу. Был настоящий скандал! Бедный отец чуть не скончался и отправил Леночку домой – переодеваться и мыться.

Так что таскать охапки роз «будущей жене» Славин не мог, впрочем, и называть дочь Бекки тоже.

Палец нажимал на звонок, наконец за дверью загремело, и высунулась девушка лет двадцати. На голове у нее было скрученное тюрбаном розовое махровое полотенце.

– Что надо? – весьма невежливо осведомилась она. – Трезвон подняла!

– Я к Лене.

– Так ей и звони.

– Простите, она говорила – три раза...

– А вы уже пять нажали, – злобилась девчонка.

Я протиснулась в щель и пошла по коридору. На стук никто не открывал. Я осторожно нажала на ручку, белая дверь приоткрылась.

– Лена, можно?

Ответа не последовало.

– Лена, разрешите?

Вновь ни звука. Я пошире открыла дверь и заглянула внутрь. Комната пуста. Хозяйки нет. Может, она только что встала и пошла мыться?

Но в огромной ванной, где угрожающе гудела газовая колонка, нашлась только крохотная девчушка, старательно чистившая зубы. Чтобы дотянуться до здоровенной раковины, ребенок взобрался на деревянную скамеечку.

Я продолжала поиски и зарулила на просторную кухню, утыканную столиками. С веревок, протянутых под потолком, свисало сохнувшее исподнее, «семейные» трусы в голубой горошек, угрожающего размера розовые атласные бюстгалтеры и невероятное количество детских колготок всевозможных цветов.

На секунду мне показалось, что я нахожусь на съемках картины Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин». Тот же убогий интерьер, отбитая эмалированная раковина, сработанная в 50-х годах, две чугунных плиты с «крылышками», на дверях духовок написано: «Газоаппарат», и даже точь-в-точь такая же толстая бабища в красном ситцевом халате, жарящая с утра пораньше котлеты. От запаха жирного мяса меня замутило.

– Кого надо? – поинтересовалась тетка, подбрасывая на сковородку огромный кус топленого масла.

Стараясь не дышать, я ответила:

– Лену Яковлеву.

– Последняя комната по коридору.

– Ее там нет.

– Здесь тоже не бывает, – хмыкнула соседка, – она не готовит совсем, чай только пьет или по кабакам шляется, актриса!

– Не знаете, в каком она театре играет?

– В погорелом, – припечатила баба и перевернула котлету.

Стало понятно, что больше здесь ничего не узнать.

– Слышь, – неожиданно сказала тетка, – у Гульки спроси, они дружат, третья дверь от ванной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.